

*Валерий
Катранов*

12+

Веретено судьбы **2**

Валерий Капранов
Веретено Судьбы. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Капранов В.

Веретено Судьбы. Книга 2 / В. Капранов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Она хотела стать знаменитой художницей граффити, такой как Бэнкси. А вместо этого стала начинающей волшебницей, встретила говорящего кота и оказалась свидетельницей похищения всемирного масштаба. Попытка помешать преступлению приводит её в потусторонний мир, где ей предстоит пройти суровые испытания и придётся принимать трудные решения, к которым она не была готова. Самым сложным из них становится нелёгкий выбор: что важнее, крепкие узы дружбы или человеческая жизнь?

Содержание

Тайна Матрёшки	5
Мастер-класс	11
Неожиданные визитёры	15
Канитель	19
Веретено Судьбы	22
Держи вора	29
Нити Судьбы	34
Крылатый вестник	39
Избушка на курьих ножках.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тайна Матрёшки

– Ты уверен, что мы здесь, что-то найдём? – спросила Гертруда у Людвиг, когда он остановил машину на парковочной площадке. – У нас не так много времени на поиски – а Орден требует результатов.

– Не беспокойся, – заверил её барон и сверил данные в навигаторе. – Рудра сказал – что если нам нужна Баба Яга, то искать её следует именно здесь. У меня нет причин, ему не верить.

И вот они здесь – перед бревенчатым комплексом музея ремесел и народного творчества. Чтобы сюда добраться, им пришлось преодолеть сотни верст на прокатном автомобиле. Музейный комплекс, объединяющий в себе несколько ладно срубленных теремов, располагался посреди живописного места – на берегу широкой реки, в центре тихого, доселе им не известного провинциального города. Барон и представить себе не мог – что где-то далеко, в неизвестной русской глубинке, он натолкнётся на такое чудо. Отправляясь сюда, Людвиг ожидал увидеть какое-нибудь ветхое здание, напоминающее сельский клуб. По крайней мере, так выглядело большинство краеведческих музеев, в небольших городах, в которых ему довелось побывать. А вместо этого – они подъехали к уникальному сооружению, являющему собой полноценный фрагмент древнерусского городища во всей своей красе. Со стройными, крепкими теремами, возвышающимися на них дозорными башнями, дворовыми постройками и просторным крытым гульбищем. И во всём этом ощущался дух русской старины – от искусной резьбы на наличниках окошек, до вырубленных коньков на крышах, и подпираемых их фигуристых балясин. Оказавшись здесь, у барона сложилось приятное впечатление – что он окупился в глубину веков – и попал на княжеское подворье или в усадьбу знатного боярина. На секунду он даже представил себе – как перед ним распахиваются двери, и на крылечко выходят красны девицы в широких сарафанах, и в кокошниках. Они с почтением отвешивают ему поясной поклон, и по исконной русской традиции, привечают дорогого заморского гостя хлебом солью...

Мечты – есть мечты. Но, сыт ими не будешь. Сейчас ему предстояло сосредоточиться на делах и выработать правильную стратегию по нахождению и изъятию артефакта.

– Чтобы ты знал, – сказала Гертруда и отстегнула ремень безопасности. – Сегодня утром я разговаривала монсеньором Жозефом. Он сказал – что мы должны предоставить ему нечто существенное в течение суток. Если в своём отчёте перед Магистратом он не сможет доложить о том, что мы напали на след – и выяснили, где находится артефакт – то, тогда, велика вероятность того, что Малый Совет отправит сюда своих специалистов. А ты понимаешь – что соглядатаи и конкуренты нам ни к чему.

– Они что, нам не доверяют? – усмехнулся барон с иронией. – Или думают, что у других, дело пойдёт быстрее?

Он посмотрел в зеркало заднего вида, на сидевших за их спинами близнецов – для того, чтобы убедиться, что они их не слышат. Жан и Жак прижались к окну и глазели на то, как на газоне резвятся волки. В их наушниках гремела музыка, и было заметно, что в данный момент до барона с Гертрудой им нет никакого дела. Ральф и Рольф, кувыркаящиеся в палой листве, интересовали их намного больше. Может, оно и к лучшему – подумал барон. Соваться во внутренние дрязги, им пока рановато. Для начала – пусть, немного освоятся и пооботрутся – а если с них выйдет толк, – тогда уже, посмотрим...

– Наша преданность Ордену, ни у кого не вызывает сомнений, – Гертруда откинула солнцезащитный щиток, и глядя в зеркало, принялась поводить помаду. – Но тут затронут вопрос внутренней политики. В Малом Совете, очень болезненно отнеслись, к удачам монсеньора. В особенности, к тому, что на него обратил внимание сам Магистр – и теперь во всём ему покровительствует. Если мы справимся с порученным Магистратом заданием, то он учтёт заслуги

Жозефа перед Орденом, и переведёт его в Верховный Совет. Если это произойдет – то, недоброжелатели монсеньора задушатся на своих орденских цепях от зависти. Они пойдут на всё, чтобы этого не допустить. Члены Малого Совета только и ждут того, чтобы монсеньор Жозеф, сделал неверный шаг или оступился. Любая его неудача, будет им только на руку.

– Поэтому, им нужен предлог, чтобы направить сюда своего человека. – сделал вывод из её слов, барон. – От этого Орден ничего не потеряет – за исключением дополнительных накладных расходов. Но зато, при этом удвоятся его шансы на успех.

– Ты очень проницателен, как всегда. Твоё чутьё, тебя не подводит, – улынулась ему Гертруда, но её улыбка выглядела натянутой. – Кто добудет Ордену артефакт – тот и получит заслуженную награду. А будет это Жозеф, или кто-то другой из Малого Совета... – Ордену это не принципиально. Главное – это цель. А цель, как у нас говорят – «оправдывает средства». Мы ведём с недоброжелателями гибридную войну. А на войне – все средства хороши.

– Ладно. Не стоит списывать нас со счетов раньше времени, – успокоил её барон, хотя ему тоже не нравилось, когда, кто-то лез в его дела. – Вот увидишь – сегодня мы найдём эту Бабу Ягу, и через неё, получим то, что нам требуется. Так что, пусть монсеньор Жозеф не переживает. Ему будет, о чём отчитаться перед Магистратом.

Он пощёлкал пальцами, чтобы привлечь внимание мальчиков.

– Так, снимаем наушники – и выходим из машины...

Когда они вышли, Рольф и Ральф уже были тут-как-тут. Оглянувшись по сторонам, и убедившись – что их никто не видит, мальчики потрепали проводников по холкам. Волкам это понравилось, и они завихляли задами от удовольствия

– Ну, хватит уже, – барон посмотрел на них укоризненно и осуждающе покачал головой. – Тоже мне... Матёрые волки – а, ведёте себя, как беспородные дворняги.

Шишникам не понравилось такое оскорбительное сравнение, и они недовольно зарычали. Но почувствовав на загривках ладони мальчиков, тут же успокоились. Им не нужно было объяснять, что барон – считался главным в этой стае. А потому, – его слово, как и слово вожака – это закон. И даже, если тебе это не нравится – ты будешь вынужден подчиниться и отнестись к нему с уважением. Потому что – таковы законы стаи. А Рольф и Ральф их свято чтити, поскольку были волками. Следовательно – то, что они подчинились и было самым главным аргументом, в том, – что они не дворняги... Как-то это всё сложно и чересчур заумно. Но их это не касается. Пусть над этим ломают головы другие умники. А их дело – получать чёткие распоряжения и неукоснительно их исполнять. Это даже удобно – от лишних мыслей, голова не пухнет.

– Сегодня вам предстоит закрепить свои навыки на практике, – сказал барон и по-отечески приобнял Жана и Жака. – Экскурсия по музею – это только для прикрытия. Смотрите по сторонам. Обращайте внимание на любую мелочь. Наша цель, распознать из сотрудников музея Бабу Ягу. И если она попадётся вам на глаза – ведите себя естественно – но незамедлительно мне об этом сообщите. Или подайте знак, если я или Гертруда, будем рядом.

– Милорд, а у неё должны быть, какие-нибудь особые приметы? – поинтересовался у Людвига Жан.

– Или что-то такое особенное, что может нам подсказать, что это именно она, – дополнил его фразу Жак.

– А вот это, нам с вами и предстоит в скором времени выяснить, – ответил близнецам барон. – Если кто-то из вас, распознает её раньше остальных – пусть ничего не предпринимает. Мы сами с Гертрудой разберёмся, что дальше делать. Сами никуда не суйтесь. Иначе всё испортите.

Приобретя билеты в кассе, они прошли в музей. Кроме них посетителей в залах оказалось совсем немного. Возможно, это было вызвано тем, что в связи с окончанием сезона отпусков,

основной поток туристов значительно сократился. И теперь, оживлённо и людно здесь будет лишь к началу следующего лета. Если не считать нескольких праздничных дней и выходных.

Экспозиционные залы музея были распределены по секторам. Каждый зал представляет собой площадку с экспонатами, посвящёнными определённому виду творчества, и связанных с ним ремесел. В соответствии с ними, на стендах были представлены инструменты и специальное оборудование. И конечно – изделия, которые были сделаны при помощи этих инструментов. В общем, для ребятшек, таких как Жан и Жак – ничего особенного. Музей – как музей. Они видали и поинтересней... Но, очень скоро это обманчивое представление сменилось на неподдельное любопытство. А вызвано оно было тем, что помимо представленных здесь экспонатов, можно было вживую увидеть, как настоящие мастера творят рукотворные чудеса, и прямо в залах музея, демонстрируют свои умения. Им удалось сохранить секреты древних умений и технологий, и донести их до наших времён. И как оказалось – тут было чему удивиться... а, при желании – даже, и поучиться.

Пока Людвиг с Гертрудой беседовали со смотрительницей музея и слушали её наставления о том, в какой последовательности лучше осмотреть музей – Жан и Жак, оставили их позади, и направились в зал, посвященный искусству плетения из лозы.

В самом центре зала, за широким столом сидела женщина-мастерица. Благодаря своему наряду – льняной рубашке с цветастой вышивкой и расшитой бисером жилетки – она смотрелась среди поделок очень уместно и колоритно. Всё пространство вокруг неё было буквально заставлено разнообразными изделиями, сплетёнными из лыка и лозы. И чего тут только не было – лапти, высокие и причудливые картузы с козырьками, корзины, лукошки различных размеров и форм – круглые, продолговатые, вытянутые, пузатые... – даже была корзина с широким ободком, похожая на перевернутую шляпу. Рядом с искусницей стоял плетённый короб с откидной крышкой, в котором, с её слов – в старину хранили хлеб и прочую выпечку – баранки, бублики, пироги и сдобные булочки с маком и марципаном. А самым большим из изделий, оказалась высокая корзина, похожая на ведро, из которой торчали длинные ивовые прутья. Женщина с деловитым видом доставала их и сосредоточено резала острым ножом на равные прутки, делая заготовки для будущих изделий.

– Ты что-нибудь в ней заметил, из того, о чём говорил барон? – спросил Жак у брата.

Тот внимательно всмотрелся в женщину и отрицательно замотал головой. Чтобы убедиться в том, что он ничего не упустил – он вопросительно посмотрел на Ральфа – тот перекинулся взглядом с Рольфом – после чего выяснилось, что проводники были того же мнения – в этом зале Бабой Ягой даже и не пахло.

Тогда ребята направились дальше по узкому бревенчатому коридору, и перешли в следующий зал.

– Вот это, я понимаю, – Жан ткнул локтем брата и выразил восхищение. – Ты только посмотри вокруг – ну прямо, как живые...

– Ага, – согласился с ним Жак. – Вот, у кого золотые руки...

По сравнению, с предыдущим – этот зал был посвящён искусству резьбы по дереву. И нужно признать, что ребятам он понравился гораздо больше. Столы и полки буквально ломились от разнообразных резных фигурок, которые выглядели как живые, благодаря кропотливой работе мастера. Умелый резчик, так ловко орудовал стамеской и резцами – что, наблюдая за его работой мальчишки позабыли обо всём на свете. Глядя на то, как он из неодушевлённой заготовки вырезает фигурку орла – они невольно ощутили себя соучастниками создателя. А когда из-под его резца, отвалился последний завиток кучерявой стружки, Жан и Жак обомлели – они не могли поверить своим глазам. Из рук мастера, на них смотрела гордая птица, с широко расправленными крыльями. А когда он собрался очистить её от древесной пыли, им показалось, что орёл сейчас оживёт, захлопает крыльями и взлетит... Выпорхнет в окно, и поднимется ввысь на встречу облакам. А затем, устремится на волю в поисках своих собратьев.

И такое ощущение относилось не к нему оному. Другие фигурки тоже выглядели не менее совершенными. Жан и Жак не успевали сосредоточить взгляд ни на одной из них. Потому, как он тут же – с первой переходил на вторую. И скользил уже по четвёртой, минуя третью... И так, словно загнанный заяц, скакал в лабиринте искусно вырезанных поделок – и гонимый мальчишеским любопытством, петлял между ними и не мог никак остановиться.

– Смотри, – указал Жак на мастера, который отложил орла в сторону и потянулся за новой заготовкой. – Вот, к примеру – взял он брусок. С виду – обычная деревяшка. Крутит его – так и сяк... присматривается, примеряется. Как ты думаешь, что он задумал из неё сделать?

– Что задумал? – Жан попытался себе представить. – Что задумал... Откуда мне знать, что ему в голову взбредёт?

– А, по-моему – это будет солдатик.

– Как ты узнал?

– А у него, на деревяшке нарисованы контуром линии. Точно тебе говорю – солдатик.

– А если, нет, – засомневался Жан.

– А если, да, – настаивал на своём Жак.

– Давай, поспорим.

– Давай.

– А, на что?

Жак прикинул в уме и предложил:

– Да, хотя бы на то, кто проспорит, тот до конца поездки, в номере будет застилать кровати.

– Идет, – согласился Жан. – По рукам.

– По рукам, – самодовольно усмехнулся Жак. – А теперь, пойдём к нему и спросим...

Они подошли поближе и робко поздоровались. Мастер – ещё молодой парень, лет так примерно, двадцати пяти, в национальной косоворотке – отложил заготовку, пригладил пятернёй непокорный чуб, и приветливо улыбнулся.

– И вам, здравия, добры молодцы, – ребятам понравилось его обращение, так их никто ещё не называл. – Что, резьбой по дереву интересуетесь?

– Да, – ответил Жак. – Скажите, пожалуйста, а что вы будете делать из этого кусочка дерева. Мы с братом, заключили пари. И нам интересно, кто из нас, угадает правильно.

– Интересно-интересно... – парня позабавил серьёзный настрой Жака, особенно – интонация – то, как это было сказано. – И какие, в связи с этим, у вас появились идеи?

– Я сказал, что это будет, солдатик, – ответил Жак, и указал на угадываемые контуры на заготовке.

– А ты, как думаешь? – обратился мастер к Жану.

– А я, не знаю, – честно признался Жан. – Но, уж – точно, не солдатик.

– В таком случае, ребятки, у вас ничья, – рассудил их парень и разложил перед ними семь липовых брусков разного размера. Самый большой – сантиметров тридцать в высоту. Остальные, пропорционально поменьше. Они были расположены в порядке убывания. – Это будет, не солдатик – и не «я не знаю», – он стряхнул с листа бумаги стружку и положил перед ними рабочий эскиз. – Из этих заготовок я сделаю матрёшку.

– Наверное, вы хотели сказать «матрёшки» – а не «матрёшку»! – поправил его Жан, показывая на несколько изображений на рисунке. – Их же тут нарисовано, семь. Или вы из семи нарисованных, будете делать, только одну?

– Да, ребятки... – мастер посмотрел на них с сочувствием. – Куда катится этот мир. Вы что, не видели никогда матрёшек?

– Нет, не видели, – признался Жак. – Ну и что. Что в этом такого?

– Что такого, – парень даже немного расстроился. – Да, в этой забавной игрушке, сокрыта вся непостижимая суть природы человека. Надо же. Куда только смотрят ваши родители? Матрёшка – это же, наше всё. Основа всех основ, так сказать...

– У нас нет родителей, – спокойно заявил ему Жан. Но, прозвучало это как-то буднично и обыденно. Без укора и без грусти в голосе.

– Так вы, что, детдомовские? – уже более серьёзным тоном, поинтересовался мастер.

Ребята переглянулись. Им было не знакомо это слово. Они посмотрели на Рольфа и Ральфа. Те в ответ замотали мордами. Подобного изречения они тоже, никогда не слышали.

– У нас есть опекун, – сообщил Жак молодому мастеру. – И он о нас заботится. Благодаря его великодушью и щедрости, мы живем в достатке и ни в чём не испытываем нужды.

– Лучше, расскажите нам, про матрёшку, – Жан не любил обсуждать свою жизнь с незнакомыми людьми, и поэтому решил поскорее сменить тему. – Если это так важно, как вы говорите – то, чего же в ней такого особенного?

– Ну хорошо, – согласился парень. – Так уж и быть – если вам это и вправду интересно – тогда смотрите и вникайте...

Он достал с верхней полки пузатую лакированную фигурку с расписными узорами и личиком улыбчивой краснощёкой девицы. Неожиданно, к удивлению близнецов – парень с натугой отвернул верхний край, и разъединил её на две половинки. Они внимательно следили за его движениями, словно за пассами фокусника на ярмарочной площади. Только вместо кроличьих ушей, торчащих из волшебного цилиндра – внутри нижней половинки матрёшки оказалась ещё одна фигура – точно такой же румяной девицы в завязанном платке. Мастер вынул её и проделал с ней то же самое. Таким образом, он раскрывал и выставлял на стол в ряд остальные пустотелые фигурки. Так, в конечном итоге их и оказалось – семь – как и лежащих на его верстаке заготовок. Мастер взял в руки самую маленькую (она была последней) и протянул её близнецам.

– Матрёшка – это наглядный пример, как устроена природа человека, – пояснил он, указывая на выставленных в ряд матрёшек. – Эта, самая маленькая – символизирует наше плотное физическое тело в мире Яви. Она, красного цвета и связана с Истоком – центром, от которого всё начинается. Исток – он, как начало большой реки. С него всё начинается. И именно он позволяет нам черпать силы от Земли. Это то тело, каким мы привыкли себя ощущать в природе.

Затем, он указал на следующую матрёшку, которая была побольше.

– Эта, оранжевая – символизирует Жарьё тело. От слова «жар» – окружающий нас огонь. Это тело несколько больше, чем физическое. И привычным зрением, его уже не увидеть. Жарьё тело связано с Зародом и наполняет человека природной силой и энергией Огня. От него зависит наше самочувствие и здоровье.

Мастер указал на следующую и пояснил:

– Эта жёлтая – характеризует Навьё тело. Чтобы вам было понятно – от слова Навь, происходит слово – космонавт. По-другому, его можно назвать, Звёздным телом. Оно – ещё больше предыдущего. И символизирует наши чувства, эмоции, желания.

Затем он взял следующую.

– Эта матрёшка – символизирует Клубьё тело. Похоже на слово «клубок». Ну, вы, наверное, знаете – это такой шарик из шерстяных ниток. Бабушки вяжут из них свитера, шарфики, варежки, носочки... Так вот, цвет у этой оболочки – зелёный. Она отвечает за наши мысли и нашу память. От неё зависит наше здравомыслие и то, насколько развита наша интуиция.

За зелёной матрёшкой стояла кукла ещё побольше.

– Голубая – это Причинное тело человека. В этом теле формируется его судьба. От него зависит всё, что будет происходить с человеком в процессе его жизненного пути. Где и при каких обстоятельствах, он должен будет родиться – кем станет в дальнейшем, когда вырастет – и что ему будет уготовано его судьбой – везенье во всём или суровые испытания.

Он указал на следующую.

– Эта, синяя – олицетворяет тело Сознания. Оно состоит из чистой и идеальной энергии. Синяя оболочка взаимосвязана с Душой. Она указывает ей пути к познанию законов Вселенной.

Он рассказывал, а мальчики слушали и вникали. Даже волки отнеслись к его рассказу с интересом. В силу того, что их родиной был Навий Мир, многое из того, о чем говорил мастер им было знакомо. Но, вот так – наглядно и доступно уместить сокровенную тайну мироздания в семь деревянных кукол... это было действительно – очень тонко и очень мудро.

– Наконец-то мы и дошли, до последней матрёшки. И как вы видите – она самая большая. Её цвет фиолетовый и она связана с высшим проявлением всего живущего – с его Духом. Во всех религиях мира, её называют Богом. И если, первая – самая маленькая, была связана с Истоком – то эта – самая большая, связана с Родником. Именно в ней и находятся все матрёшки. Она питает их, и распределяет между ними все энергии. Вот вам – и матрёшка... – мастер принялся раскрывать и укладывать кукол обратно, одну в одну. – Понятно теперь, ребята, какую великую тайну скрывает в себе эта незатейливая игрушка?

– Понятно, – ответили они почти хором.

– Вот, то-то и оно...

– Спасибо вам, – сказал Жан. – Было очень познавательно.

Они попрощались с мастером, и поспешили дальше. История про матрёшку оказалась весьма познавательной, но она не привело их к цели. Время шло, а задача ещё так и оставалась невыполненной. Безусловно, раз они здесь то, барон и Гертруда все равно, во что бы то ни было добьются своего. Но было бы здорово, если бы Жану и Жаку повезло, и они бы нашли Бабу Ягу первыми. Они не теряли надежды и возобновили поиски. Им очень хотелось порадовать барона.

Мастер-класс

– Так, заходим, девочки... заходим... – Анна придержала дверь и пропустила нас вперёд. – Ненужно толпиться перед кассой. Встаньте пока, здесь в сторонке.

Мы с девочками отошли, куда нам было указано и стали ждать в то время, как Анна пошла покупать билеты.

– Будьте добры. Три взрослых, и три детских, – сказала она, доставая из сумочки пластиковую карту.

– Хорошо, что на нас не нужно тратиться на билеты, – усмехнулся Вениамин. – А то, представляю себе глаза кассирши, когда бы она услышала: «Три взрослых, три детских, два птичьих, два на kota и лису и ещё один для змеи. А для них, кстати – предусмотрены льготные тарифы»?

– Уф... Вениамин... К чему, эти пустые разговоры? – запыхтела на него Анфиса, тараща глаза и вращая головой. – Уф... Уф... Не надоело тебе ещё изображать из себя Арлекина? У девочек впереди познавательная экскурсия – а ты, как всегда – всё превращаешь в балаган.

Она вспорхнула с перил и пересела к Ляле на плечо. Правда вскоре об этом пожалела. Так, как убедилась, что выбор нового места оказался не совсем удачным. Отправляясь в музей, к своему новому плащу Ляля решила надеть супермодную широкополую шляпу с атласной лентой и длинным фазаньим пером – которая теперь под своим навесом, полностью скрывала от наших глаз Анфису. И бедняжке для того, чтобы общаться с нами, приходилось подстраиваться под Лялю – приседать, выворачивать шею и балансировать в нелепых позах, чтобы ненароком не задеть её широкополый головной убор. При всей своей чопорности и важности, Анфиса в данный момент выглядела так комично – как перекормленный воробей, который влетел под навес чтобы укрыться от непогоды. Нас всех это жутко забавляло, но мы стойко держались и не подавали виду.

– Что приуныли, девочки. Выше нос... —сказала Анна, когда вернулась из кассы, демонстративно помахивая перед нами веером из билетов. – Вот увидите, вам здесь так понравится... Обещаю. Помню, как, несколько лет назад я сама побывала здесь в первый раз. Незабываемые впечатления – скажу я вам. Где еще, в наше время, вам доведётся увидеть в одном месте столько различных ремёсел, о которых знали и помнили только ваши дедушки и бабушки.

По большому счёту, мы с девочками, не имели ничего против ремёсел и всякого там, народного творчества. И Анна, наверняка была права – когда заявляла о том, что здесь якобы есть, на что посмотреть. Но если честно – мы немного устали с дороги и нас изрядно укачало. Трястись в служебном микроавтобусе несколько часов по междугородней магистрали, а затем, по ухабистым дорогам – да ещё в компании с неугомонным зверинцем – это, скажу я вам – то ещё испытание. Одного здоровья и нервов, тут будет недостаточно. Неплохо бы к ним ещё иметь в комплекте, иммунитет к искромётному юмору, как у Царевны Несмеяны – и натренированный вестибулярный аппарат, как у космонавта Гагарина. С таким багажом – можно было бы хоть на Луну... Но, увы – это не про нас.

– Ну-с... с чего начнём? – спросила Надежда, в предвкушении потирая руки после того, как мы миновали контролера.

– Предлагаю, подняться наверх и начать с верхнего этажа, – ответила Анна (ей было видней), поскольку она здесь уже всё знала. – На общий порядок экскурсии, это никак не повлияет. Зато, если кто-то из девочек, захочет пройти мастер-класс по гончарному ремеслу, или ещё какому-нибудь искусству – они смогут это сделать со свежими силами. А то, потом находятся, устанут и им будет не до этого.

– Принимается, – поддержали её Надежда и Ляля.

Нас особо не спрашивали – потому, мы не возражали. И мы все вместе отправились наверх, по узкой деревянной лестнице.

– Какое варварство, – раздался сверху возмущённый возглас Милицы.

Она шла впереди. И когда мы поднялись за ней следом, то увидели, что её так расстроило. На боковой стене лестничного пролёта, висела распятая волчья шкура с головой, с пустыми стеклянными глазами и оскалившейся мордой.

– Брр... – Вениамин поморщился и вздыбил шерсть. – И куда только смотрит этот ихний Гринпис. А ничего, что здесь бывают дети? Так, девочки – если среди вас есть слабонервные – то не смотрите? Нашатыря у меня с собою, нет.

– Вот и я о том же, – пожаловалась ему лиса. – Какая жестокость. Ну, никакого сочувствия и сострадания.

– Будь моя воля, – прошептал ей на ухо кот. – Я бы взял, всех этих таксидермистов, посадил бы их в клетки в зоопарках, вместе с бедными зверями. И держал там, до тех пор, пока бы они, не осознали, что животные ничем не хуже их самих. А зачастую, даже намного благороднее и благоразумнее.

– Это, как я понимаю, и есть та самая гончарная мастерская... – сказала Ляля, когда мы вошли в небольшое уютное помещение.

– Здравствуйте, – нам приветливо улыбнулась молодая девушка с толстой русой косой и в национальной рубаше, расшитой крупными цветами. – Вы не ошиблись. Это зал гончарного ремесла. Всё что вы видите здесь, сделано нашими руками, и руками наших гостей. Если, кто-то из вас, хочет попробовать – не стесняйтесь. Садитесь сюда, за гончарный круг. И я проведу для вас мастер-класс.

– Ну, девочки... – обратилась к нам Анна. – Кто-нибудь из вас желает попробовать?

Все, почему-то сразу посмотрели на меня. Я сделала шаг назад и отрицательно замотала головой. Это не потому, что я не решительная или я стесняюсь. Нет. На самом деле я люблю рисовать и мне нравится лепить фигурки из пластилина. Но вот, глина... Может, оно конечно и интересно. Но это – не моё.

– А ты, Нина? – спросила Надежда.

Нина поправила очки, обхватила рюкзак с Марфой и тоже отказалась.

– А я, попробую, – бойко согласилась Геля. – Не знаю, как всем, а мне лично, интересно. И в конце концов, что зря я пёрлась в такую даль... А так, хоть будет потом, что вспомнить.

И она уверенно направилась к девушке. Та показала ей, куда присесть, и сама пристроилась рядом с ней на табурете.

– Хорошо, девочка, – подбодрила она её и стала готовить всё необходимое. – Как тебя зовут?

– Геля.

– А меня, Слава, – представилась она. – Теперь мы знакомы. Так что, ты меня можешь не стесняться. Будем общаться с тобой на равных.

– Хорошо, – сказала Геля. – Я и не стесняюсь.

– Вот и славно, – она рассмеялась. – Видишь, как забавно получилось. Слава сказала «славно».

После этих слов Гелино напряжение совсем исчезло, и она увлеченно сосредоточилась на процессе. Она с любопытством смотрела на вращающийся перед ней гончарный круг. Тем временем, Слава со знанием дела, отломил от большого комка глины, кусок поменьше и протянула его Геле. А затем, показала, как его размять и предложила окунуть, в стоящую рядом ванночку с водой.

– А теперь, положим его на круг, – сказала она.

Геля поднесла комок к центру диска. Но тот, выскользнул у неё из рук и жирным шлепком, прилепился к вращающейся поверхности. Она не успела ещё понять, как это произошло,

как он закрутился и завертелся... А потом, перекосясь на бок и начал оплывать, до тех пор – пока центробежная сила не разорвала его на части – и не разметала кусочки мокрой глины в разные стороны.

Нас обдало волной серых брызг, и я увидела, что все, кто стоял поблизости оказались с головы до ног в крошках мокрой глины и грязевых подтёках. Не избежали этой участи и Слава с Гелей. Белая праздничная рубаша девушки и Гелина чёрная толстовка, стали похожи на робы маляров из строительной бригады. Но никто из нас не проронил ни слова. Даже Ляля, чьей шляпе был нанесен урон, молча вынула из сумочки носовой платок – послонявила его кончик – и словно, ничего особенного не случилось – промокнула белёсые капельки на своём лице – и как ни в чём не бывало, продолжила наблюдать за процессом.

– Вот тебе, бабушка и Юрьев день, – осуждающе сказала Марго, и покачала головой. – Ну, как же ты, девонька, так не осторожно...

– Да, уж, – высказался Вениамин. – Это тебе, не куличики, в песочнице лепить. Тут нужна особая ловкость и сноровка.

– Много ты понимаешь. Уф... – фыркнула Анфиса. – А-то ты не знаешь, что не у каждого сразу что-то получается. Ведь, не даром же говорят – что первый блин, комом.

– Вот-вот, – приснула в лапу Милица. – Ты, как всегда, Анфиска. – прямо в точку. Да, блинчик-то у Гели получился – то, что надо.

– Да, хватит вам, ужшше, – прошипела Серпантина. – Не смущайте девочку. Сейчас, у нее вссссе получится.

Только Марфа никак не отреагировала на случившееся. Своё мнение, черепаха решила оставить при себе. Высунув красноухую голову из расстёгнутого рюкзака, она с безмятежностью буддийского монаха, созерцала происходящее. В то время, как взгляд из -под её полу-прикрытых век, оставался с нами здесь – её сознание было запредельно далеко, за мириады световых лет отсюда – оно степенно покачивалось на волнах Океана Вечности и наблюдало за рождением сверхновых звёзд.

– Ничего страшного. Не расстраивайся, – Слава взяла лежавшую поблизости махровую салфетку и промокнула потёки глины с Гелиного лица. – Такое случается с новичками довольно часто. Без этого – просто никак. Так, что, поздравляю тебя с первым гончарным творением.

– Ну, спасибо, – Геля сплюнула в салфетку кусочек мокрой глины и ухмыльнулась. – Теперь, уж точно, будет что вспомнить, и чем похвастать перед бабушкой. Прости, что испортила твою рубашу. Я не хотела. Оно, само, как-то получилось.

– Да, пустяки, – жизнерадостно рассмеялась Слава. – Ничего ей не будет. Это же глина, а не черника. Отстирается, не останется и следа. Чай не химия, какая...

Она по-хозяйски быстро, влажной салфеткой вытерла пятна с Гелиной толстовки. После чего, собрала остатки глины с круга и привела рабочее место в порядок. От бывшего мокрого безобразия не осталось и следа. Даже воду в миске, – и ту, поменяла.

– Ну что, пойдешь к своим друзьям, или продолжим? – спросила она и посмотрела на Гелю испытующим взглядом.

– Продолжим, – Геля вдохнула поглубже, собралась и стиснула зубы – но чтобы никто этого не заметил – она ангельски улыбнулась.

Слава невозмутимо отломала новый кусок от кома глины и протянула его Геле. Попросила размять и смочить в воде. А когда уже дело дошло до гончарного круга, мы предусмотрительно отошли на несколько шагов назад – а она бережно положила свои руки поверх Гелиных рук, и помогла ей сформировать устойчивую форму для заготовки, не давая ей ускользнуть на край.

– А ты, молодец, – похвалила она её. – Настырная. Не спасовала перед трудностями.

– Да, какая я молодец, – Геля не набивала себе цену, ей просто, не хотелось выглядеть неумехой и неудачницей. – Раз взялась за дело, значит должна его довести до конца. А иначе, не стоило, даже браться.

– Это правильно, – одобрила её позицию Слава. – Теперь, смотри... – вот так.. пальчиками делаешь углубление...

Геля запустила пальцы во внутрь глиняного шара. Появилась ямка, и стала расширяться под равномерным давлением её руки.

– А теперь, вытягивай вверх, – наставляла её Слава. – И будут формироваться стенки.

Одной рукой она выровняла полость изнутри, а другой разгладила внешние бока сосуда.

– Здесь, чуть-чуть, сужаем... – Слава слегка прищурилась, настроив глазомер. – Так... хорошо. А теперь, снова вверх... и расширяем.

Геля четко следовала её инструкциям, и старалась ничего не упустить. Она так увлеклась процессом, что даже не заметила, как, невзначай, высунула кончик языка. Гончарный круг вращался словно магическая доска. Заготовка, послушно меняла форму, и из неприметного комка мокрой глины, превращалась, в живущий самостоятельной жизнью сосуд. Ей показалось, что, если она сейчас вдохнёт в него часть своего дыхания, он встрепенётся, выпитает в себя её живительную силу, и пустится в пляс. Закружится в головокружительном вальсе, по миниатюрной сцене, и будет старательно вытанцовывать фуэте и пируэты, под мерный стук, вращающегося барабана.

– Аккуратно, закругляем кончики ободка, – голос Славы вернул её в реальность. – Оп-па... Получилось. Наша крынка, почти готова.

– Почему, почти? – поинтересовалась Геля.

– Потому, что посуда из сырой глины не сможет надолго сохранить свою форму. Она может потрескаться при высыхании или помнётся при неосторожном обращении.

Слава осторожно отделила крынку от гончарного круга и показала гостям то, что у них с Гелей получилось.

– Чтобы придать ей законченный вид, и сделать её твёрдой и прочной, мы поместим её ненадолго в эту печь. Этот процесс называется – обжиг. Без него – никак.

Она открыла дверцу печи с прозрачным окошком из огнеупорного стекла, поставила крынку на эмалированный поднос и поместила его вовнутрь.

– А теперь, осталось немного подождать, – девушка установила на терморегуляторе соответствующий температурный режим, и отвела Гелю к умывальнику, чтобы помыть руки.

– И сколько нужно ждать? – намыливая руки, поинтересовалась Геля.

– Ну, хотя бы минут двадцать, – ответила ей Слава. – Но я бы рекомендовала, оставить её в печи на полчаса. Так глина лучше обожжётся. Станет прочнее, и крынка прослужит дольше. Если не хотите утомлять себя ожиданием, можете пока посетить другие залы и провести это время с большей пользой. А когда вернётесь, твоя крынка уже будет готова.

– Пожалуй, мы так и поступим, – сказала Ляля, посмотрелась в отражение стеклянной витрины с глиняной посудой, поправила шляпку и вопросительно посмотрела на остальных. – Ну что, девочки, пойдём?..

Неожиданные визитёры

Не успели мы перейти в следующий зал, как услышали позади себя душераздирающее завывание, недовольное ворчание и неразборчивое мяуканье. По знакомым нотам я сразу определила, что это был голос Вениамина, и не раздумывая бросилась на его поиски. Так и есть, я заметила его стоящим у самого края лестницы. Кот был сильно взволнован и возбуждён. От чего вел себя непривычно агрессивно. Раньше таким я его никогда не видела. Там внизу кто-то был. И этот кто-то – ему не нравился. Вениамин сгруппировался и выгнулся гнулся дугой. Вздрыбил шерсть, задрал хвост и распушил до такой степени, что тот стал похож на ершик для мытья бутылок. Он таращил глаза и истошно шипел, давая понять, что если тот, кто находится внизу, попытается подняться – то ему не поздоровится. Кто же это мог быть? Мне стало интересно, и я заглянула вниз, перегнувшись через перила.

Снизу в ответ прозвучало грозное рычание, которое сменилось на фырканье и клацанье мощных челюстей.

Следом за мной к лестнице высыпали все остальные. Увидев реакцию Вениамина, они тоже стали высматриваться вниз, чтобы понять, что могло так возбудить нашего кота. Сначала мы все подумали, что во всём виновата та самая волчья шкура. Но увидев её на прежнем месте, были вынуждены признать, что она тут ни при чём. И к тому же, шкуры не рычат и не огрызаются. Тогда это может быть кто-то из посетителей? Кто по недосмотру служителей музея пришел на экскурсию с собакой? Но это тоже, маловероятно – на обычных собак, Вениамин так не реагирует.

Я спустилась на несколько ступенек ниже и заглянула в просвет нижнего этажа. Теперь мне всё стало ясно. Увидев опасность, я инстинктивно отпрянула к стене, и почувствовала, как на спине под одеждой выступили капельки пота. Внизу живота всё сжалось от неприятного холода, колени ослабли, а ноги стали словно ватными. Где-то в глубине моей сущности пробудился страх, и почуяв мою слабинку стал неторопливо выбираться из своей берлоги. Поднимаясь всё выше, он вознамерился парализовать меня изнутри, и тем самым лишит самообладания и воли. Но я вовремя распознала его намерения – собралась и приказала себе не поддаваться. Быстро вспомнив, чему учил меня Вениамин – я принялась глубоко дышать – и это помогло. Придя снова в себя, я поднялась назад и примкнула к остальным. Обеспокоенная моим поведением Анна присела передо мной на корточки, обхватила меня за плечи и посмотрела мне в глаза.

– Анечка, девочка моя, тебя что-то напугало? – но при этом её голос звучал уверенно и спокойно. – Ну, скажи нам. Что ты там увидела?

Мне хватило секунды собраться с духом, чтобы ей ответить. Но лишь только я открыла рот, как внизу закрипели деревянные ступени... С этого момента, говорить уже не имело никакого смысла. Всё разрешилось само собой. Стоявшие наверху посмотрели вниз... и их увидели. Они поднимались по лестнице в сопровождении двоих волков.

Возглавлял процессию высокий статный пожилой мужчина, с зеркальной лысиной и аккуратной седой бородкой. Он вёл с собой под руку даму в дорогом деловом костюме, с пышной причёской медно-каштановых волос и алой помадой на губах. На руке у неё сидела пятнистая саламандра и облизывалась раскалённым как лава, огненно-красным языком. Мужчина был сдержан и галантен, а его спутница маскировала свою надменность под приветливой улыбкой. Он двигался ровно и уверенно – с выправкой отставного офицера. В то время, как его дама словно плыла, покачивая бёдрами. Про таких у нас говорят – два сапога пара. Судя по всему, они друг друга стоили.

За ними следом по лестнице поднимались два белокурых близнеца. В одинаковых синих джемперах, отутюженных брюках и начищенных ботинках. Они выглядели безупречно, словно

только что сошли со страниц рекламного проспекта. У заботливых мамочек и престарелых домохозяек эти розовощёкие ангелочки вызвали бы чувства восторга и умиления – если бы те закрыли глаза на плотоядные оскалы их суровых сопровождающих. Два крупных волка шли за ними по пятам. Когда они переставляли лапы по ступеням, сверху было видно, как под серой шкурой перекатываются бугорки их упругих мускул. Они замыкали процессию, и снизу следили за нами, поглядывая исподлобья. Их злобные взгляды были исполнены презрения и ненависти. Матёрые хищники грозно скалились и демонстративно облизывались. Тем самым, давали нам понять, что для них мы всего лишь добыча, которую они с удовольствием готовы растерзать, если на то будет дозволение предводителя их стаи.

– Спокойно, спокойно... – урезонил их барон.

Его взгляд был устремлён в нашу сторону. Он даже не оглянулся, чтобы убедиться, как будет исполнена его команда. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы не догадаться, кто у них был за главного. Хотя, если повнимательней присмотреться к его спутнице, то, можно было поспорить на этот счёт.

Когда они поравнялись с нами, мы расступились, чтобы освободить им дорогу. Предводитель процессии учтиво нам поклонился и в знак признательности произнёс одно лишь слово:

– Дамы...

– Какие миленькие у вас зверюшки, – процедила сквозь мнимую улыбку его спутница, и стрельнула взглядом в сторону наших проводников. – Надеюсь, мы вас не сильно шокировали своим неожиданным появлением? Во избежание недоразумений, я бы посоветовала вам держаться от нас подальше. А то, наши милые серые друзья лишены изысканных манер, и ненароком могут кое-кому попортить шкурку.

Она вскинула подбородок и, продолжая улыбаться, окинула нас надменным взглядом. При этом, ни один нерв не шелхнулся на её лице. Между ней и наставницами началась бессловесная дуэль. Атмосфера стала постепенно накаляться. Ещё немного и они бы испепелили друг друга взглядами, подкрепляя их мысленными заклинаниями и шаровыми молниями. Но самонадеянная незнакомка оказалась достойным противником, и в этом нужно отдать ей должное. Она стойко выдержала направленный на неё энергетический поток. А когда наставницы, прекратили натиск и проявили благоразумие (так как, отдавали себе отчёт, что находились вместе с нами в музее), она сдула локон, опавший с её причёски, ещё раз на последок нам улыбнулась, кивнула своему спутнику, давая понять, что всё в порядке и они проследовали дальше, с чувством полной безнаказанности и превосходства.

Проходя мимо нас, близнецы не об молвились ни единым словом. Только исподволь, как бы невзначай, просканировали нас взглядами. Один из них, даже успел улыбнуться Геле. Несмотря на явное противостояние между обеими сторонами, мальчики не чувствовали какой-либо неловкости в нашем присутствии, и не спешили их догонять. В этот миг мне даже показалось, что они не совсем вписываются в их компанию. В отличии от их предводителя, который повелевал всеми, как хозяин, и его спутницы – той ещё штучки – они являли собой их полную противоположность. Приятные, милые, скромные и открытые. Если бы не их волки, которые, как я понимаю, были их проводниками – может быть, я даже, готова была бы с ними подружиться.

Кстати, о волках... это из-за них, мне стало на лестнице так страшно. Вот и теперь, когда они прошли рядом, я почувствовала, как у меня подступил ком к горлу и затряслись поджилки. Я слышала, как их главный приказал им вести себя спокойно и не причинять никому вреда. Но даже после этого, находиться рядом с ними – это скажу я вам, то ещё испытание. Чтобы передать вам те чувства, которые я в этот момент испытывала, приведу вам такой пример: представьте себе, что вы оказались в одной клетке со свирепыми хищниками. А смотритель зоопарка из-за ограждения вам говорит: «Не беспокойтесь. Не нужно бояться. Они вас не укусят. Они только что, на обед съели пол слона. И поэтому, такие сытые и тихие». Представили? Вас

бы это успокоило? Вот то-то, и оно... У меня были такие же ощущения. Я упала бы в обморок, если бы не Вениамин, который храбро загородил меня собой, несмотря на свой малый рост, и при малейшей попытке был готов ринуться в бой на моих обидчиков.

К счастью, всё обошлось. Волки, с нескрываемым пренебрежением протрусили мимо нас, и следом за близнецами прошмыгнули в следующий зал. Послonyaвшись бесцельно между экспонатами, они развернулись, и со скучающим видом поплелись назад к дверям. Улеглись на пороге и перегородили собой проход. Их намерения были всем ясны. Пока они там на страже – хода нам туда не будет.

– Девочки, кто-нибудь, может мне объяснить, что сейчас это было? – обратилась к подругам Анна.

– Так беспардонно себя повести, – возмутилась Надежда и посмотрела на неожиданных визитёров поверх очков. – И вообще, что они здесь делают?

– Мне кажется, я догадываюсь, кто они такие, – сообщила подругам Ляля, понизив голос. – А вот, что им понадобилось здесь, в малоизвестном, провинциальном городке в музее? На этот вопрос у меня пока нет ответа.

– Чую, здесь, кроется что-то очень важное, – заявила Анна. – И нам необходимо это выяснить, во что бы то ни стало.

– Как ты себе это представляешь? – Ляля озабочено посмотрела на нас и на наш зверинец. – Думаешь, они зря оставили волков у входа. Ни нам, ни проводникам, мимо них не пройти. И к тому же, не стоит забывать, что с нами дети.

– Ну-ну, без паники, – успокоила её Надежда. – Не драматизируй. Не всё так грустно и безнадежно, как может показаться. У меня появилась идея. И мне кажется, что она непременно должна сработать. А пока, не будем нервировать их церберов и мозолить им глаза. Предлагаю уйти в другой зал, чтобы усыпить их бдительность. Ну, а там уже, всё подробно обсудим, что будем делать дальше, и как будем действовать.

Она повернулась к волкам и, улыбаясь, словно они были всю жизнь знакомы, приветливо им помахала. Хмурые хищники не ожидали такой неслыханной дерзости и тут же переглянулись друг с другом, решая, как им с этим поступить. Чтобы чего не вышло, они на всякий случай, приподнялись на передних лапах, выражая свою готовность дать отпор, если за этим последуют новые непредсказуемые действия. Но ничего из ряда вон выходящего не произошло. Разношерстная публика вскоре перестала обращать на них внимание, а затем, и вовсе переместилась в соседний зал, где продолжила ознакомление с достопримечательностями музея.

– Всё в порядке, брат. Отбой тревоге, можно расслабиться, – сказал Рольф и снова удобно устроился на полу. – А то, я уже было подумал, что эта очкастая, совсем нюх потеряла. В глазах у неё двоится что ли, если она приняла нас за своих?

– Вот и я, брат, тоже не на шутку удивился, – примостился с ним рядом Ральф. – Где это видано, чтобы нам махали, как каким-нибудь дворнягам. Она, что себе возомнила? Что мы обрадуемся и завиляем ей в ответ хвостами. Она бы ещё предложила нам сахарку. Откусить бы ей эту руку по самое колено. Тогда, точно бы узнала, каково с нами шутить...

– Да, ладно тебе. Не кипятись. Успокойся. Хорошо, что все так мирно обошлось, – Ральф широко зевнул и опустил морду на скрещённые лапы. – А то, получили бы мы с тобой взбучку от барона за учинённый переполох. Угораздило же нас, оказаться в одно и тоже время, в одном и том же месте с этими ведьмами и их приспешниками. Нутром чую, что эта встреча ни к чему хорошему не приведёт. Поскорее бы уже, барон отыскал, то, что ему нужно, да покончил с этим делом, пока нам всем обратно не аукнулось...

Мы зашли в зал художественной росписи. Не знаю, как девочки, а лично я сразу ощутила здесь себя, как рыба в воде. Как художницу – а я, всё-таки считаю себя художницей, меня порадовала самобытность и уникальность техники местных мастеров. На представлен-

ных здесь деревянных шкатулках, хлебницах и сундучках, можно было увидеть забавные истории из жизни местного народа. В ярких красках были описаны различные сюжеты. Тут и там, на предметах домашнего обихода пестрели сцены с купеческим чаепитием, традиционными народными гуляниями, бытом крестьян, катаниями на лошадях зажиточных помещиков, и другими курьёзами из повседневной жизни предпринимателей и судовладельцев.

В углу зала за рабочими столами сидели две женщины. Одна постарше, другая помоложе. По тому, чем они занимались, было понятно, что это и есть те самые художницы-мастерицы, которые и создавали всю эту красоту. Вокруг них были расставлены баночки с красками и лаком, и стаканчики с кисточками всевозможных размеров и толщины. Мастерицы увлеченно расписывали шкатулки и про меж себя тихо вели беседу, чтобы не мешать посетителям знакомиться с высоким и прекрасным.

Когда мы вошли, они нас даже не заметили. И хочу заметить, нас это вполне устраивало. Они были сосредоточены на своей работе и не обращали внимания на нас, а мы с благодарностью не отрывали их от работы. Мы сделали вид, что увлеченно обсуждаем восхитительные образчики художественных промыслов, а сами на самом деле приступили к реализации плана Надежды.

– Если нам в грубой форме дали понять, чтобы мы не совали свой нос, куда не следует – значит, для этого у них есть веская причина, – сказала Анна, убедившись, что художницы нас не слышат. – Но, какая бы ни была эта причина, мы не должны идти у них на поводу. Я считаю, что если мы спустим им это с рук, то, это будет непростительной ошибкой.

– Подозреваю, что это служители Ордена, – поделилась своими соображениями Ляля. – Но, у них здесь нет никаких полномочий – так, как в соответствии с Договором между магическими кланами и сообществами, никто не смеет действовать на чужих территориях, без предварительного одобрения и согласия самих хозяев. Если нам ничего не известно об их визите, значит действия этих непрошенных визитёров противоправны и незаконны.

– Если так, то, это усугубляет ситуацию ещё больше, – сказала Анна. – Мы обязаны выяснить, что им нужно. Может быть, они что-то замышляют, что может нарушить баланс сил между магическими сообществами. И тогда всем придётся плясать под дудку Ордена. Представляете, к чему это может привести?

– Ладно. Хватит досужих домыслов, – остановила её Ляля. – Сейчас дорога каждая минута. Нужно действовать. Надя, ты говорила, что у тебя есть идея. Говори... Мы внимательно тебя слушаем.

– Да. Идея есть, – ответила Надежда и погладила, свернувшуюся на её плечах змею. – Чтобы выяснить, зачем они сюда явились, нам нужно проникнуть в соседний зал. Но только так, чтобы ничем не выдать своего присутствия. Ни нам, ни зверям, ни птицам это не удастся попасть туда, без того, чтобы нас не заметили. Поэтому, мы можем поручить это Серпантине...

Змея подняла голову и прошипела:

– А чшшто... это хорошшшая идея. Я могу просскользнуть в щели межшшду брёвен и попассть туда. Волки меня не почуют, а люди не заметят.

Идея понравилась всем и была принята всеми единогласно. Серпантина не мешкая, соскользнула с Надеждиного плеча, и плавно скользя по дощатому полу, подползла к углу. Отыскав между брёвен отверстие подходящего размера, она просунула в него голову, какое-то время оставалась неподвижной, видно проверяя обстановку, и определяя, насколько это безопасно, протиснулась в него до половины... А вскоре, исчезла полностью.

Нам оставалось только ждать...

Канитель

Для тех, кто не знает, как устроены деревянные дома, стоит пояснить – что при строительстве между брёвнами кладут уплотнитель из мха или минеральной ваты. Обычно он служит прослойкой для того, чтобы не было щелей. Тогда в доме будет зимой тепло, а летом, наоборот, прохладно. Но как бы строители не старались, со временем уплотнитель садится и щели все равно появляются. Поэтому раз в несколько лет, щели нужно проверять и по новой заполнять. Вот в одну из таких щелей и пролезла Серпантина.

Перед тем, как выбраться наружу, она остановилась. Осторожно высунув голову, она натолкнулась на преграду из деревянных досок. Как впоследствии оказалось, это была стенка здорового сундука. Он стоял в том самом углу, откуда она выползла. Для Серпантинины это оказалось весьма кстати. Массивный кованный сундук послужит для неё своеобразным укрытием. Ведь вряд ли кто-либо из присутствующих заподозрит о том, что за ним кто-нибудь скрывается. Убедившись, в своей безопасности, змея окончательно выползла из щели, притаилась за сундуком и стала слушать.

– ... ещё в семнадцатом веке в нашей губернии стали осваивать шитье, золотыми нитками – незнакомый голос, мог принадлежать смотрительнице музея, а по его интонации Серпантина определила, что та, слишком молода. – Само ремесло оказалось достаточно сложным и трудоемким. Да и вообще, вышивка золотом очень сильно отличается от обычной. Это можно заметить вот здесь. Видите, она выглядит не плоской, а объёмной и рельефной.

– Да. Это заметно, – Серпантина узнала голос лысого незнакомца.

– Для создания рельефа использовалась тончайшая проволока, скрученная в спираль. Она была полый внутри и имела круглое сечение. Такую проволоку в старину называли, *канитель*. Её тянули из раскаленного добела кусочка золота или серебра. Это было не просто, долго по времени и достаточно кропотливо. Из-за сложности производства такой проволоки и появилось известное народное выражение «*тянуть канитель*».

– Теперь будем знать, – усмехнулся незнакомец. – Очень полезная информация.

– В те времена, вещи, вышитые золотом, стоили очень дорого, и хранились вот в таких кованных сундуках. Они запирались под замок и ценились, как самые настоящие сокровища. Ключ от такого сундука хранился у хозяина дома и никому не передавался.

Судя по всему, девушка указала на сундук, за которым притаилась Серпантина. Она насторожилась, и опасаясь того, что, её могут неожиданно обнаружить, приготовилась к атаке. Но к счастью, этого не произошло. Интерес к сундуку никто не проявил. И девушка продолжила свой рассказ о существовавших в те незапамятные времена традициях.

– В отличие от денег, изделия с золотой вышивкой никогда не обесценивались. Они передавались от матери к дочери по наследству. Даже сейчас, спустя несколько столетий, богато украшенные вышивкой, роскошные шали, элегантные платья и накидки стоят весьма недорого. Они по-прежнему ценятся так же высоко, и относятся к предметам роскоши. Могу вас заверить, что среди наших гостей было не мало известных персон и мировых знаменитостей, кто пополнил свои гардеробы такими уникальными нарядами, и нисколько об этом не пожалел. Я смотрю, ваша спутница понимает, о чём я говорю. Что говорит о её высоком вкусе.

– Это так, Гертруда? – спросил у дамы незнакомец.

– Не сомневайся, Людвиг, – ответила она. – Платье или шаль с такой вышивкой можно смело приравнять к произведению искусства. Я и сама бы, не отказалась, иметь в гардеробе что-нибудь подобное. Признаюсь честно, у меня появились такие мысли – не прикупить-ли чего-нибудь из этих изделий для своей коллекции.

По стуку лёгкой поступи и стуку каблучков, Серпантина определила, что смотрительница музея направилась в противоположный конец зала. Остальные четыре пары ног, проследо-

вали за ней. Змея осторожно высунула голову из-за сундука и огляделась. Волки по-прежнему лежали у порога, перегородив проход. Они несли свою стражу, но ничего не подозревали о её присутствии.

Девушка экскурсовод, подвела гостей к манекенам, одетым в наряды, расшитые золотыми нитями, и стала объяснять им про особенности орнамента и уникальную технику узоров. Заметив неподалёку от них старинный комод, на полках которого лежали стопки сложенных салфетки, пользуясь тем, что её никто не видит, змея быстро переползла под него из-за сундука. И оттуда, продолжила наблюдение.

– Здесь мы с вами видим крупные цветы. А рядом с ними сочные грозди винограда, – девушка предложила посетителям рассмотреть узор поближе. – Видите этот чеканный шов, он слегка возвышается над узором. Такой техникой, мастеру удалось подчеркнуть упругость и округлость форм виноградных ягод. А настил из тончайших нитей, выполнен более редкими и плотными стежками. Это позволило сделать крупные лепестки цветов утончёнными и нежными. Благодаря этому вся композиция стала выглядеть объёмной на общем поле ткани. А вообще, бутоны цветов и ягоды винограда – это визитная карточка нашего традиционного орнамента. Именно по нему наши изделия стали узнаваемы во всём мире, и не утратили популярности среди ценителей искусства.

– А вы, как я вижу, большой специалист по части вышивки, – сказал барон.

– Спасибо, – девушка покраснела и засмушалась. – В этом плане мне повезло. Удалось совместить любимое дело с основной работой. Но, до настоящего мастерства ещё далеко.

– Тогда, разрешите вам задать один вопрос, как эксперту.

Он попросил Гертруду достать из сумочки фотографию и протянул её девушке, чтобы та посмотрела.

– Рад вам сообщить, что мы с вами, в какой-то степени, коллеги. Не так давно, наша исследовательская группа, обнаружила ряд археологических находок. Среди них вот этот предмет одежды, – он указал на сарафан на снимке. – Что вы можете нам сообщить, об этой вышивке? Что-нибудь подобное, вам доводилось когда-нибудь встречать?

Девушка посмотрела на фотографию. И поначалу не заметила в ней ничего особенного. Но потом, пригляделась внимательней, перевела взгляд со снимка на собеседника и улыбнулась.

– Это что, какой-то розыгрыш?

Она прищурилась с видом, будто разгадала их шутку и осуждающе покачала головой.

– Ай...яй...яй... – девушка решила им подыграть и в шутку погрозила пальцем. – Думали, что я не догадаюсь... Со мной этот номер не пройдёт. Это вас Галина Аристарховна надоумила?

Людвиг с Гертрудой переглянулись. Близнецы тоже насторожились. Даже Рольф и Ральф вскочили со своих мест. Неужели они наконец-то попали на след, и эта девушка и вправду что-то знает?

– Что вы, милая, – заверил её барон. – Ни о каком розыгрыше не может быть и речи. Нас исключительно интересует только этот орнамент с академической точки зрения.

– Ну, если так, – девушка тут же стала снова серьёзной и перестала улыбаться. – Я попробую вам объяснить, то, как я это вижу. Предмет костюма на вашем снимке – называется, сарафан. На сарафане присутствует вышивка с изображением русалок. Кто такие русалки, думаю вам объяснять не нужно.

Барон с Гертрудой дали ей понять, что эти подробности можно пропустить. В данном случае их интересовало совсем другое.

– По характерной технике вышивки можно предположить, что сарафан действительно очень древний. Это видно и по тому, как от времени выцвели сами нити. Что ещё можно вам сказать... То, что этот сарафан одевали по праздникам или для проведения соответствующих

обрядов. И ещё, то, что данная вещь считалась достаточно дорогой. Такую могла себе позволить только девушка или женщина из богатого и знатного рода.

– А что, можете сказать насчёт самих русалок, – спросила у экскурсовода Гертруда. – Что они означают? И может быть есть какие-нибудь версии, кому мог принадлежать этот сарафан?

Девушка задумалась, потом снова посмотрела на снимок и сказала:

– Сами русалки могут обозначать принадлежность к водной стихии. Следовательно, эту символику могли использовать люди, которые жили непосредственно у воды или были связаны с ней какими-нибудь образом. Например: плавали на судах или занимались отловом рыбы. Если говорить о наших краях, то это люди, которые жили у реки. Если рассматривать другие варианты: то это те, кто жил у моря. На вашей фотографии русалки в руках держат распустившиеся лилии. А лилия – это символ власти и принадлежности к знатному роду. Хотя, могут быть и другие толкования.

– Какие же? – спросил кто-то из близнецов.

– Какие... – переспросила девушка, и стала подбирать слова, чтобы не выглядеть в глазах гостей провинциальной простушкой, верящей в суеверия. – В наше время это может показаться архаичным пережитком прошлого. Но в былые времена, к знакам и символам люди относились с почтением и должным уважением. В свете этого, скажу – что у изображения лилии было ещё одно значение – она могла обозначать таинственную связь с потусторонним миром. Из чего мы можно сделать вывод – поскольку перед нами сарафан... а сарафан – это часть женской одежды. Его хозяйкой могла быть колдунья, знахарка или целительница. Прошу, не кидать в меня камнями, если противоречит вашим научным взглядам.

– Bravo, bravo, – барон был доволен таким развёрнутым ответом и сопровождал, и подбодрил девушку негромкими аплодисментами. – Спасибо, милая. Вы нам очень помогли. Теперь мы будем знать, в каком направлении нам двигаться.

Не то чтобы, он не знал всего этого. Конечно, знал. По вопросам магии и символизма он и сам бы мог просветить эту девушку, в том, о чём она даже не догадывалась. Но ему нужна была зацепка. И теперь он, кажется, её нашёл. Но, чтобы добиться этого, ему нужно было войти к ней в доверие.

– У меня к вам остался ещё один вопрос, – он постарался выглядеть, как можно дружелюбней. – До того, как поделиться с ними своей версией, вы упомянули имя некой женщины. Разрешите полюбопытствовать, кто такая эта Галина Аристарховна?

– Галина Аристарховна, она тоже сотрудница нашего музея, – ответила ему девушка. – Она здесь так давно работает... что может быть даже, с самого открытия нашего музея. Её все очень ценят и уважают. Так вот – иногда она носит рубаху, расшитую такими же русалками. Я, как только увидела фотографию, то сразу их узнала. Вот и решила, что вы от неё.

– Нет. Мы не от неё, – барон взял у девушки фотографию и передал её Гертруде.

– Я уже поняла, – признала девушка. – Особенно после того, как всё внимательно разглядела. На вашей фотографии изображен сарафан, а у Галины Аристарховны рубаха. Но совпадение очень точное – один в один.

– Скажите, любезная. А она сегодня тоже работает?

– Да.

– А, как нам её можно найти?

– Если пойдёте дальше, до конца коридора, – девушка указала в заданном направлении. – Справа будет, зал ткацкого ремесла. В зале работают три женщины мастерицы. Там её и найдёте.

– Как мы её узнаем? – спросил один из мальчиков.

– Узнаете, – уверенно сказала девушка и загадочно улыбнулась. – Вы сразу поймёте кто из них, она.

Веретено Судьбы

Зал ткацкого ремесла, по размерам не уступал другим помещениям музея. Но из-за громоздких мудрёных приспособлений здесь было настолько тесно, что в проходах между станками два обычных человека вряд ли смогли бы разминуться чтобы при этом не задеть друг друга. И по этой причине немногочисленные группы посетителей, как правило ютились на небольшом пятачке, откуда наблюдали как работают мастерицы.

В этом зале они работали втроём. При этом, каждая из них занималась своим делом. Самая молодая из них сидела на маленькой лавочке у русской печи и ткала тесьму из толстых разноцветных нитей при помощи незатейливого ручного приспособления. В центре зала располагался массивный ткацкий стан. По своим габаритам он превосходил любое другое оборудование. Его каркас из широких брусьев, украшала художественная резьба, а о назначении множественных рычагов и подвесов можно было только догадываться. За станком стояла дородная матрона и производила на нём ряд нехитрых манипуляций. Со стороны операции выглядели совсем не сложными. Подумаешь, что там такого – оттянуть на себя рамку с пропущенными сквозь неё нитями, соединить её с другой, нажать ногой на педаль, опустить рычаг... – повторить это всё несколько десятков раз и получить на выходе готовое полотно. Просто? Да, конечно. Проще не бывает. Только на самом деле – всё совсем не так. Ткачества – это очень сложный, трудоёмкий и утомительный процесс. И как в последствии сообщают посетителям, в старину за такими станками работали в основном мужчины. Так что можно себе представить, какой выносливостью обладала эта женщина.

Ближе всех к посетителям сидела самая старшая из них. А если выразиться точнее – то не старшая, а старая. Довольно крепенькая и жилистая бабулька – хорошо сохранившаяся для своих лет. Её морщинистое лицо не несло на себе отпечатков усталости и старческих болезней. А по форме высокого лба, бровей и носа можно было с уверенностью предположить, что когда-то давно, во времена её молодости, она была той ещё красавицей. На голове у старушки был чёрный чёрный платок с яркими красными цветами. Причём завязан он был узелком вперёд, что делало его похожим на шапочку. Из-под него свисали белые как снег, нечёсанные космы. Они густыми прядями ниспали ей на грудь. С её шеи, подобной стволу высохшего дерева, спускались нити бус в несколько рядов – кусочки желтого янтаря и крупные градины ярко-алых вишен. Сутулые плечи бабульки покрывала овчинная телогрейка, из-под которой виднелась, та самая рубаха, о которой говорила девушка. Она была соткана из льняных грубых нитей, и расшита знакомыми по фотографии, русалками и лилиями.

Старуха устроилась на невысоком табурете и что-то нашёптывала или напевала себе под нос. У её ног, обутых в войлочные башмаки, дремал внушительных размеров чёрный кот. А может, делал вид, что дремлет... Потому, как, при появлении посетителей он приоткрыл один глаз и окинул их недружелюбным взглядом. В отличие от кота, старуха не обратила на них внимания, и продолжала скручивать нить из пряди серых вычесанных волокон, одновременно наматывая ее на веретено.

Барон незаметно коснулся локтем Гертруды, и взглядом указал на старуху. По всем признакам это была та, кого они искали. Гертруда лёгким кивком дала понять, что узнала её по русалкам на рукавах. Это означало, что они уже почти у цели, и теперь, дело оставалось за малым.

В ткацкий зал следом за мальчиками зашли Рольф и Ральф. Как и полагалось, они сразу принялись разведывать обстановку. С беспечной уверенностью волки принялись разгуливать по помещению, приняюхиваясь к предметам и снуя между станками. Но тут они внезапно остановились и напрялись. Что-то было не так и они это почувствовали. Они повернули морды к источнику беспокойства, и наткнулись на суровый взгляд болотно-зелёных глаз старухи.

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Дремавший кот, поочередно открыл оба глаза и молниеносно подпрыгнув с места, приземлился на все четыре лапы. Повернувшись к волкам, он выгнулся дугой и ошетинился. А затем, растопырив когти, выдал такой неистовый боевой вой, что те от неожиданности приникли к полу. Рольф и Ральф поджали хвосты и тихим сапом принялись попятиться к выходу. Но кот не унимался и продолжал шипеть, он делал молниеносные выпады, и норовил зацепить их их лапами. Он не давал им спуска и неистовствовал до тех пор, пока волки не убрались прочь. А когда они скрылись за дверью, пристроился снова у ног старухи.

– Нет, ну ты это видел, – возмутился Рольф, когда они оказались в безопасности. – Куда ни сунься, везде эти коты. А этот, вообще, наглый и такой задиристый. Хорошо, когда у тебя девять жизней. Можно и повыпендриваться.

– Кот не простой. Это ты точно подметил, – цыкнул зубом Ральф. – И по поводу девяти жизней, я бы не торопился делать выводы. С таким сцепись, себе дороже обойдётся. Того и гляди, останешься без глаз.

Происшествие в зале не прошло ни для кого незамеченным. Молодуха у печки, чуть не подпрыгнула от неожиданности и едва не спутала все нити.

– Аристарховна, он у тебя, что белены объелся? – недовольно спросила дородная тётка, не переставая щёлкать рычагами и рамками станка. – Ни с того, ни с сего, на людей бросается. Ты его, убери от греха подальше или приструни.

Её реакция на поведение кота была вполне оправданной. Ведь она же не знала истинную причину. Если бы она видела, как волки шныряют по её залу, словно у себя дома, то, наверняка заговорила бы по-другому. А так, конечно, вместо этого, она видит, что к ним зашли посетители – культурные люди – стоят себе, никого не трогают. Поди ещё и издалека приехали... По одежке видно, что чужестранцы. А тут – нате вам здарсьте, такие фортеля, понимаешь ли...

– Тише, тише, Антрацитик, – старуха погладила кота, а тот ещё пару раз недовольно фыркнул, но всё же успокоился. – Алевтина, а ты работай себе спокойно. Не обращай внимания. Котику, поди что-то приснилось. Вот он спросонья и всполошился. Ты поди, тоже, когда спишь, не больно-то себя контролируешь.

Кот свернулся калачиком, и возбужденно постукивал хвостом по полу. От ленивой вальяжности не осталось и следа. Чёрный, как уголь, с горящими жёлтыми глазами, он был похож на пушистый комок ярости. После инцидента с волками Антрацит сосредоточил всё своё внимание на гостях, и готов был отреагировать на малейшее их движение

– Уважаемая, а он у вас случаем, не бешенный? – заметив нотки беспокойства среди сотрудниц музея, Гертруда намеренно решила настроить их против старухи.

– Кот у меня не бешенный. Не переживайте, – сухо ответила ей бабуля, приспуская нить, и наматывая её на веретено. – Если не верите, могу дать телефончик ветеринара. Он вам подтвердит.

Она покосилась на сотрудниц по цеху, и понадеявшись, что те её не услышат, понизив голос сказала:

– Если бы ещё при этом, разные серости не шатались по музею, и не совали свои носы в чужие дела, кот лежал бы себе и лежал. И для всех был бы ласковым и пушистым. А тут уж, простите. Сами виноваты...

Но, как она и ни старалась говорить негромко – даже с учётом побрякивания деревянных пяльцев молодухи и гулко-го стука ткацкого станка – рабочий шум оказался не помехой женскому любопытству. Когда охотницы до чужих секретов жаждут пищи для разговоров, их чуткий слух способен уловить даже тишайший шепот.

– Ты чего это, Аристарховна? Нежели можно так из-за кота, – пристыдила её матрона. – Люди пришли повысить свой культурный уровень, а она обзывает их «серостью». И как тебе только не совестно, наговаривать на людей.

Станочница повернулась к молодой, ища в той поддержку своей правоте. Повела бровями в сторону Галины Аристарховны, и осуждающе покачала головой. Мол бабуля-то наша, вон какие коленца выбрасывает.

– Ты бы, лучше, не лезла, куда тебе не следует, – спокойным тоном урезонила старушка Алевтину, и строго зыркнула на неё из-под бровей. – Слышала звон – да не знаешь где он. Это я про тебя. А они поняли, о чём я сказала. Вишь, как глазоньки-то сразу попрятали. Или может я не права? А ну, отвечайте, зачем пожаловали?

– Мы туристы. Путешествуем по городам России.

Барон старался выглядеть добродушным и дружелюбным, и намеренно говорил с ярко выраженным иностранным акцентом. То, что бабка их раскусила, было понятно, с момента разоблачения волков. Но её товарки этого не понимали, и он норовил этим воспользоваться. Людвиг знал, с каким раболепием в глубинке относятся к иностранцам. И решил на этом сыграть.

– Изучаем ваши традиции и обычаи. Узнав про этот замечательный музей, мы сразу же отменили все экскурсии и приехали сюда. Хотим узнать про старинные *ремесло... ремеслы?*..

Он посмотрел на своих, как бы ожидая от них подсказку, чтобы подобрать подходящее, правильное слово. Те сделали вид, что такого не знают. Тогда он вопросительно посмотрел на работниц, ожидая ответа с их стороны.

– Старинные ремёсла, – пришла ему на выручку девица.

– Я-я. Натюрлих. Правильно, *ремёсла*.

Барон наигранно обрадовался и изобразил сердечную благодарность.

– Вишь, Аристарховна. Люди, издалече приехали, – со значением сказала Алевтина. – Побросали все дела, и к нам. А ты на них кота натравила.

– Ой, не живется тебе, Алевтина спокойно, – заворчала на неё Аристарховна. – Пошла бы ты лучше... чайку попить или пообедать. И Настёну с собой бы прихватила. А я тут, и без вас, справлюсь как-нибудь.

– О чай, самовар. Это хорошо, – подыграл ей барон и изобразил, как в России пьют чай из блюдца.

Он отдавал себе отчёт, что между ними и старухой должен состояться непростой разговор и посторонние слушатели им были не нужны.

– Там внизу, мы видели хороший буфет. Если хотите пить чай, можете сходить. Мы не возражаем.

– Да, не хочу я никакого чая, – упёрлась матрона, чувствуя, что от неё хотят избавиться. Но, как же не сунуть нос в чужие дела. Ведь, охота – пуще неволи. – Я может быть худею. А ещё, у меня диета. Если вон, Настюха хочет, то пускай и идёт.

– Спасибо, – ответила та. – Но, мне тоже, что-то не хочется. И вообще, отвлекли вы меня со своим чаем. Я сбилась со счёта и всё напутала. Теперь, придётся распускать и начинать по новой.

Людвиг понял, что избавится от них не получится. Значит придётся общаться при свидетелях. Это несколько затруднит задачу, но в такой ситуации выбирать не приходится. Главное выяснить у старухи, где находится артефакт. А уж, как его заполучить, то, с этим они справятся. В крайнем случае, сообразят по ходу действий.

– Если чаю никто не хочет, это даже лучше, – барон решил поменять тактику. – От вас троих, мы узнаем втрое больше, о вашем *ремёслах*.

– *Ремесле*, – подсказала ему Настёна.

– Данке шон, – поблагодарил её барон. – О вашем *ремесле*. Ваш рассказ, будет полнее и мы узнаем больше. Расскажите нам про то, как ткали ткани в древней Руси, а мы слушаем. Так, ребята? – обратился он к близнецам. Те утвердительно закивали, и он обратился к работ-

ницам музея, заручившись поддержкой мальчиков: – Видите, как им не терпится всё узнать. Начинайте, пожалуйста.

Алевтина с Надеждой притихли и посмотрели на Галину Аристарховну. Молоть языками по пустякам – это одно. А выступать в роли экскурсовода – это совсем другое. Относительно ремесла, каждая из них была лучшей в своём деле. Но вот, говорить на публике, они были не сильны.

Под их взглядами старуха поняла, что ей не отвертеться. К тому же, она догадалась, что на самом деле гости пришли совсем не за этим. Между ними затевалась своеобразная игра. И гости и она, были в ней участниками. А Алевтине с Настёной, предстояло в этой игре быть зрителями. Только зрители в ней увидят лишь одну сторону медали. Они не поймут того, что произойдёт на самом деле. И поэтому, Аристарховне придется быть на чеку, чтобы понять, что привело непрошенных гостей сюда. И по возможности, оставить их ни с чем, и отправить их восвояси.

– Хорошо, – согласилась старушка. – Раз пришли, тогда слушайте и вникайте. Наше ремесло очень древнее и хранит в себе много тайн. Если вы думаете, что эти секреты связаны с технологиями производства тканей, то сильно заблуждаетесь. Ткачество – это ремесло, которое позволяет управлять судьбой.

Она скрутила длинную нить из волокна пряжи, и прежде, чем намотать на веретено, показала её гостям.

– Какова нить, такова и жизнь. – прозвучало из её уст, как заклинание. – Так говорили в старину. И это не просто слова. На то была особая причина. [Сотканная одежда или домашнее бельё, служили людям оберегом](#). Они охраняли владельца от болезней, несчастий и дурного глаза. Для пряжи использовали волокно из шерсти. А также из трав и растений. Таких, как: крапива, лен, конопля, хлопок... Ткали даже из Иван-чая, репейника, лебеды и даже из [варёных сосновых иголок](#).

Она указала на стоявший возле её табурета ларь, в котором лежали разнокалиберные клубки со смотанными нитями. Как они поняли, это и были нити из перечисленного сырья.

– Веретено и прялка – важно сказала Аристарховна. – Это [символы рождения новой жизни](#).

Барон тайком вынул из кармана маленький продолговатый комочек, который унёс от гадалки Любы. Сравнил его форму с веретеном старухи, и понял – вот **оно** то, что он искал! Оставалось лишь быстро придумать план, как отвлечь старуху, и умыкнуть у неё желаемый артефакт.

– Ткачество на Руси было исключительно женской привилегией, – сказала она назидательным тоном, обращаясь к мальчикам. – Потому, как только женщина-мать могла даровать новую жизнь. Ткать и вышивать учили каждую девочку с раннего детства. Осенними и зимними вечерами они пряли, а по весне начинали ткать и вышивать.

Жан и Жак посмотрели на Настёну и представили её в роли такой крестьянской девушки. Она заметила, как они, глядя на неё стали перешептываться, и тут же покраснела. Ей стало приятно, от того, что на неё обратили внимание. Девушка приосанилась, сосредоточилась на пальцах, и стараясь от волнения, опять не перепутать нити, погрузилась в свою работу.

– Про девиц, которые не умели ткать, говорили «не ткачиха», – назидательно сказала Галина Аристарховна. – Такое прозвище среди девушек считалось зазорным и обидным. Потому, как каждая должна была сама соткать себе приданое – простыни, скатерти, покрывала, полотенца и многое другое, чтобы доказать, что она мастерица на все руки и домовитая хозяйка.

Старуха подперла рукой подбородок, прищурилась и смерила Гертруду изучающим взглядом. В уголках возле ее глаз проявились бороздки мелких морщин. Тонкие губы Аристарховны растянулись в насмешливую улыбку, и она высказала иностранке без злобы и укора:

– А ты, милая моя, как я погляжу – не ткачиха. Поди, за всю свою жизнь, руками ничего путного так и не сделала?

В этом упрёке чувствовалась и ирония и сочувствие. Понимая, что это может её задеть, Аристарховна, сделала это намеренно. Она испытывала незнакомку на прочность. Чтобы понять, что та из себя представляет, как противник, ей было интересно, как она отреагирует.

– Да. Я не ткачиха, – Гертруда пренебрежительно хмыкнула и тут же сделалась надменной. – Мне незачем тратить время на эту вашу бесполезную ерунду. Если мне понадобится одежда, то, я её куплю. Мир изменился. А вместе с ним поменялись и ценности.

– В этом ты права, – согласилась с ней Аристарховна и тяжело вздохнула. – Сегодня время такое, когда, одни продают, а другие покупают. Никому не нужно ничего мастерить по дому. Можно даже еду не готовить. Всё и так комфортно. Цивилизованно. Только вот, за этой иллюзией люди стали забывать о том, кто они есть. Из обихода понемногу стали исчезать традиции и настоящие семейные ценности. В то, что ты создаёшь собственными руками, ты вкладываешь частичку своей души. Такая вещь во сто крат приятней, она радует глаз и греет сердце. Добротный табурет, вязанные варежки или кофта, смастерённая детская игрушка или лоскутное одеяло. Разве могут сравниться домашние пироги из русской печи, с шаурмой из киоска, или с гамбургером?

– Кажется, я понимаю, к чему вы клоните, – усмехнулась Гертруда. – Вы сейчас намекаете про семью?

– Да, что ты знаешь про семью, – процедила старуха, она видела её насквозь. – Нет у тебя ни семьи, ни детей. Ничего. Вокруг тебя лишь пустота. А эти двое – славные ребяташки. Но не твои. И не этого напыщенного фанфарона. Они будто, сами по себе. Не вашим, и не нашим.

Пока она говорила, барон разработал план и шепотом поделился им с Гертрудой. План заключался в том, что он отвлечёт на себя внимание старухи, а она тем временем, должна будет незаметно умыкнуть веретено. Как только артефакт окажется у нее, пусть немедленно уходит из музея. Он же с мальчиками, задержит старуху, и тем самым, обеспечит Гертруде беспрепятственный отход. В случае непредвиденных обстоятельств, она может воспользоваться машиной. Пусть уезжает без них. Они найдут способ, как им добраться. А с Гертрудой встретятся уже в гостинице. Убедившись, что она все поняла, Людвиг взял у неё фотографию с сарафаном и собрался показать её Аристарховне, чтобы предоставить Гертруде фору.

– Готов признать, что ваши доводы очень убедительны. Мне жаль это признавать, но я с вами полностью согласен. Вы заметно старше меня. А следовательно, мудрее. Хотя, мне тоже есть, чем вам возразить. Но согласитесь, музей не самое подходящее место для таких дискуссий. И у меня нет на это времени. Зато, есть время на то, чтобы попросить у вас помощи, как у специалиста.

Аристарховна, почувствовала нутром, что где-то здесь кроется подвох. Уж больно гладко стелет, этот иностранец. Но, как его распознать и не оплошать? Ладно, посмотрим, куда он клонит. Где наша не пропадала...

– Давай, выкладывай. Что там, у тебя? – сказала она, идя барону на уступки. – Помогу, чем смогу. Если это в моей власти.

– Дело вот, в чём, – барон сделал серьёзный и озабоченный вид. – Наши учёные, нашли некие образцы домотканной одежды, которые носили в древности. Помимо того, что те были добротно сделаны – судя по всему, способом, о котором вы нам сейчас рассказывали – они отличаются уникальным и самобытным орнаментом. Что свидетельствует о высоком уровне мастерства тех, кто создавал эту вышивку. Но, вопрос мой состоит не только в этом. На вышивке изображены загадочные символы и фантастические существа. Полагаю, они заключают в себе некие таинственные секреты. Вы говорили об оберегах. Это ведь тоже к ним относится?

– Что ты имеешь в виду? – подозрительно спросила старуха.

– Я имею ввиду это, – Людвиг, стоя на своём месте, издали показал ей фотографию. – Можно вас попросить, подняться и подойти сюда. А то, у вас там очень тесно. Я боюсь, мы все там не поместимся. Я хотел бы, чтобы вы посмотрели на снимок и разъяснили нам некоторые детали. Дело в том, что на этой фотографии изображен предмет одежды, с вышивкой, такой же, как и у вас...

Он сделал приглашающий жест в адрес Алевтины и Настёны.

– И вы, дамы, будьте добры, подойти поближе. Ваше мнение нам тоже интересно.

Мастерицы тут же прекратили все свои дела. Им было лестно, что такой знатный чужеземец интересуется их мнением. Людвигу, только это было и нужно. Теперь Гертруде наверняка, никто не сможет помешать, довести до конца то, что они задумали.

Видя, как Алевтина с Настёной засуетились, Аристарховна нехотя отложила в сторону веретено и поднялась со своего табурета. Деловито и неспешно она подошла к барону, а за ней, неизменной тенью проследовал и её кот. Антрацит не доверял этим подозрительным типам и не желал оставлять её с ними наедине.

По праву старшинства Аристарховна, не церемонясь, плечом оттеснила работниц в сторону, и взяла из рук барона фотографию.

– Обратите внимание на русалок, – барон ткнул пальцем в вышивку сарафана.

Старуха отметила, что иностранец прав. Схожесть орнаментов на сарафане и на её рубашке была настолько очевидной, что можно было подумать, что обе вышивки делались по одному лекалу. В отличие от неё, Алевтину с Настёной в этот миг интересовало совсем другое. Они обе не могли оторвать восхищенных взглядов, от перстня барона с крупным драгоценным камнем. Но, чтобы не выглядеть в его глазах меркантильными сороками, мастерицы, сделали вид, что тоже увлеченно рассматривают фотографию, и как бы между делом, высказали свои комментарии:

– Глянь, Аристарховна, русалки-то на фотке, точь-в-точь, как на твоей рубашке...

– Ага, одна-в-одну... и не говори...

– А чо, давай мы тоже признаем твою рубашку археологической находкой и пристроим к нам в музей в качестве древнего экспоната.

– Вот-вот, дело говорит Настюха. Аристарховна, соглашайся. Пока ты её, до дыр, на износила...

– Да, тише вы, сороки. Разгалделись, – старухе не понравилось, что она стала объектом всеобщего внимания. А ещё, она не на шутку забеспокоилась из-за чрезмерного интереса барона к сакральным символам, значение которых он не мог не знать. Дело было совсем в другом, и она это понимала. Стали бы они переться в такую даль, ради какой-то вышивки...

Пользуясь тем, что активное обсуждение перешло в неразбериху и галдёж, Гертруда, не привлекая к себе внимания, выскользнула из общей массы и бесшумно прокралась к месту, где стоял табурет старухи. Убедившись, что её никто не видит, она склонилась над пряжей, схватила веретено и спрятала его в сумку. Самое главное было сделано, оставалось лишь оборвать соединяющую нить. Гертруда взялась за неё обеими руками и резко дернула. Но нить оказалась прочной и не поддалась. Она повторила попытку и дернула ещё раз, но уже сильнее. Нить больно врезалась в её ладони, но результат остался прежним.

– Не хочу никого расстраивать, – заявила старуха, и с равнодушным видом вернула Людвигу фотографию. – Но я не заметила здесь ничего необычного.

– Совсем ничего? – изобразил удивление барон. – Вы считаете, что это просто совпадение?

– Конечно, совпадение. Таких русалок на вышивках, хоть пруд пруди, – уклонилась от прямого ответа Аристарховна. – Если поискать по музеям и покопаться в библиотечных архивах, вы найдёте их столько, что надоест разглядывать. В старину русалок вышивали все, кому

не лень. Такие узоры были очень популярны и не только у наших мест. И если вы и вправду занимаетесь изучением народного творчества то, очень странно, что вы этого не знаете...

Гертруда выругалась про себя и с опаской оглянулась. Нужно было спешить. Иначе, ещё немного и их план с бароном, может провалиться. И тут, ей в голову пришла одна идея, и она второпях постучала кончиками пальцев по запястью. Из рукава Гертруды показалась мордочка саламандры и та с нетерпением указала ей на нить. Флайма с ходу поняла, что от неё требовалось. Сосредоточила внимание на нити и раздула крохотные ноздри. Гертруда почувствовала, как на запястье напряглись её маленькие лапки. А затем, из пасти саламандры вырвалась струя ослепительного пламени. Опалённая нить моментально вспыхнула. И чтобы не дать огню распространиться, и всё здесь не поджечь, Гертруда тут же принялась гасить его ладонями. Стиснув зубы от нестерпимой боли, она досчитала до трёх и разомкнула руки. Кожа на обеих ладонях потрескалась и побелела от ожогов. Но на сожаления и сантименты у неё не оставалось времени. Главное – что она добилась того, чего хотела. Веретено было в сумке, а прочная нить пережжена.

Завладев артефактом, она тут же метнулась к выходу. Рольф и Ральф шарахнулись от неё в разные стороны, чтобы освободить ей дорогу. Проскочив мимо них, Гертруда понеслась на цыпочках по узкому коридору и молила о том, чтобы не выдать себя скрипом половиц. Минував следующий зал, она выдохнула с облегчением, перевела дыхание и перешла на обычный шаг. Теперь, можно было не переживать, что стук её каблучков привлечет чье-нибудь внимание – обычная посетительница... и не более, того.

– Хм. «Не пряха», – вспомнила она слова старухи и злорадно усмехнулась. – Вот и посмотрим, кто из нас – не пряха...

Пол дела сделано. Осталось лишь выбраться из музея. А там уже вряд ли, кто-то сможет ей помешать...

Держи вора

Первым учуял странный запах Антрацит. Ощутив, как в носу зашипало от дыма, он зашевелил усами, недовольно поморщился и чихнул. Покрутив головой, кот принялся озираться в поисках источника огня. И тут увидел... До него дошло, что случилось нечто непоправимое.

На том месте, где Аристарховна только что оставила веретено, теперь ничего не было. Антрацит приник к полу и произвёл более тщательный осмотр. Если оно не упало и никуда не закатилось – значит оно исчезло. А если так, то скорее всего – его похитили. Вопиющая наглость. Но это еще пол беды... Вторая половина беды была в том, что оборванная нить от веретена, сейчас лежала на полу и представляла собой своеобразный бикфордов шнур. По оборванному куску нити, к оставшейся пряже перемещался тлеющий огонёк, оставляющий за собой струйку едкого дыма. Еще немного, и он доберётся до конечной цели. А там уже всё... Если займётся пламя, его будет не остановить. Музей построен из деревянных брёвен. А такие дома при пожаре полыхают, как спички. И как правило, спасти их невозможно.

Кот не мешкая ни секунды, вцепился когтями Аристарховне в подол, и стал трепать его что есть мочи, и при этом, верещать пуще пожарной сирены.

– Ты чего там, буянишь? Валерьянки что ли перебрал? – старуха присела на корточки и попыталась его успокоить. – Ну, чего там у тебя? Да, не ори ты так. Успокойся. Показывай, что случилось...

Антрацит перестал мяучить и тут же бросился на дым. Растопырив когти, котяра принялся молотить лапами по тлеющему огоньку. Но тот, не гас и настойчиво продолжал двигаться вперёд.

– Батюшки, это что же такое тут творится, – до Аристарховны стало доходить, что тут произошло, и она почувствовала, как начала закипать от гнева.

Не теряя драгоценных мгновений, она в два прыжка оказалась воле табурета, и подхватила с пола конец, тлеющий нити. Держа его двумя пальцами, на расстоянии вытянутой руки, Аристарховна крикнула мастерицам:

– Бабы, вода у кого-нибудь есть?

– У меня была, но я ее выпила, – не понимая еще в чём дело, виновато призналась Настёна.

– А у меня и не было, – промычала Алевтина и развела руками.

– Ясно. Как всегда... – похоже, что Аристарховну ответы сотрудниц не удивили. – Вот опять, всё приходится делать самой...

С решительностью циркового огне глотателя, она сунула конец тлеющей нити в рот. Её челюсти плотно сомкнулись, щёки втянулись внутрь, зрачки расширились, а глаза округлились... – того и гляди, сейчас выпрыгнут из орбит. Из ноздрей, как из турбин, вырвалось две струи белёсого пара. Аристарховна, подобно фокуснику иллюзионисту потянула за шнурок... – и из губ, свёрнутых трубочкой, показался черный обслонявленный кончик.

– Вот и всё, – старуха выдохнула остатки пара. – Благодарственной грамоты от пожарников не надо. Можете сообщить директору, что я согласна на небольшую премию. Хотя бы, в размере трёх месячных окладов. Если будет жмотиться, намекните ему, что пожар обошёлся бы ему значительно дороже. Кстати, о пожаре... Признавайтесь, чьих это рук дело?

Она нахмурилась и с пристрастием стала присматриваться к каждому из всех, кто здесь был. Алевтина с Настёной не в счёт. Им ни к чему, пакостить в собственном доме. А вот гости... эти вполне могли быть к этому причастны. Мальчишки любят озорничать, но держаться уверенно и спокойно. Похоже – что не они. Этот лысый... – вряд ли. Потому как, стоял со мною рядом. А вот, эта его расфуфыренная дамочка... Кстати, где же она? Что-то её не видно. Куда, плутовка, подевалась?

Антрацит не дал ей додумать мысль. Он опять начал мяукать и ворчать, требуя обратить на себя внимание.

– Ну, что ещё? – повернулась к нему старуха.

Кот уселся возле табурета, мяукал и тыкал мордой в пустое место.

– Ёшкин кот, леший меня заberi, – разразилась Аристарховна в сердцах. – Бабоньки, нет, ну вы это видели... У меня веретено пропало. Пока этот разодетый хлыщ заговаривал нам зубы, его подельница выкрала моё веретено. И поджѐг, полагаю, тоже она устроила. Видать, хотела замести следы.

Мастерицы с недоумением посмотрели на барона. У них в голове не укладывалось, как такое могло произойти. С виду, такой благородный и видный мужчина. А на деле – аферист, каких свет не видывал. Людвиг заметил их смятение, но сохраняя невозмутимость, держался с присущим ему достоинством.

– Здесь какое-то недоразумение, – сказал он с обезоруживающей улыбкой, не забывая, про воздействующий на мастериц иностранный акцент. – Мы туристы, а не злодеи. Не нужно поднимать паники, раньше времени. Давайте во всём спокойно разберѐмся. Уверен, мы всё сейчас выясним, и ваша пропажа обязательно найдѐтся.

– Найдѐтся, как же. Держи карман шире, – обречѐнно проворчала Аристарховна. – Ты лучше ответь нам, куда подевалась твоя краля? Вы даже представить себе не можете, что вы натворили. И какие теперь это может иметь последствия...

– Не переживайте, – убедительным тоном сказал барон. – Тут у вас слишком душно. Гертруда пожаловалась мне, что ей стало дурно, и она отошла подышать свежим воздухом, – он посмотрел на часы (ему нужно было выиграть для неё ещё немного времени, чтобы дать ей возможность беспрепятственно покинуть стены музея). – Полагаю, она скоро вернѐтся. И я, попросил бы вас, держать себя в руках и подбирать выражения. Такая солидная женщина, а ведѐте себя, как невоспитанная особа. Не забывайте, что на вас смотрят дети.

Он был настолько галантен и убедителен, что Алевтина с Настѐной опять поддались его чарам. От своих беспочвенных подозрений им стало стыдно, и они почувствовали себя неловко. А может и впрямь, старая чудит? Сама задевала куда-нибудь веретено и позабыла. А теперь ищет крайних. И кроет всех, почѐм зря. Не хорошо, как-то с иностранцами получилось.

– А ну-ка, клуши, все внимание на меня, – Аристарховна вовремя усекла этот момент, и энергично замахала рукой у них перед глазами, желая рассеять морок, напущенный бароном. – А то, пустил вам тут пыль в глаза. А вы, и рады-радѐхоньки, оплыли, как восковые свечки. Да вы посмотрите на него – самый, что ни на есть, настоящий жулик. Клейма негде ставить. Только, не оборвыш с большой дороги, а жентельмен в дорогом костюме. Или я не права? Ишь, как глазоньки у него забегали...

– Аристарховна, ты думаешь, он действительно того?

Алевтина хоть и очнулась от наваждения, но всё ещё не верила.

– Чего, того? – переспросила старуха.

– Ну, в том смысле, что он причастен к краже...

– А вот это мы сейчас и выясним, – Аристарховна подбоченилась и решила взять управление в свои руки. – Алевтина, стереги этих гавриков. Глаз с них не спускай. А ты, Настѐна, дуй сивкой-буркой к директору, и веди его сюда. Да, немедленно... Если будет упираться или отговариваться, скажи мол – пожар... Тогда, точно примчится, как миленький. А далее, не твоя забота.

– А что, ты будешь делать? – поинтересовалась Алевтина.

– А, я? – Аристарховна бегло огляделась, прикидывая что-то себе в уме. – Я отправлюсь на поиски злодейки. Чую, не успела она ещё далеко уйти. Может быть даже, ещё в музее. Ох и не поздоровится же ей, когда я её найду.

Старуха взяла прислоненную к печи метлу. Взвесила инструмент в руках, и одобрительно кивнула. Прокрутив ей в воздухе пару извилистых восьмёрок, она взяла её на перевес, словно карабин с примкнутым штыком, и уверенным шагом зашагала к выходу.

– Ну ты, бабка даёшь, – не удержалась от восторга Алевтина. – Ты с этой метлой, вылитая Баба Яга.

– А я Яга и есть, – ответила через плечо старуха. – Ты разве не знала?

– Да, ладно... Шутишь? – отмахнулась дородная матрона. – Так мы тебе и поверили...

– Я и не шучу. Сложи мои инициалы в слово – и тебе сразу станет ясно.

– Ярилина Галина Аристарховна, – проговорила вслух Алевтина и сложила заглавные буквы вместе. – Получается ЯГА. Надо же, как забавно.

– Да уж, забавнее дальше некуда, – буркнула Аристарховна на ходу, благо кроме волков в коридоре её никто не слышал. – То всяких дураков, уму разуму наставлять. То, с Кощеем воевать. А теперь, Судьбу Державы спасти. Пока эти лихоимцы её на свой лад не перемотали. Таких забав – врагу не пожелаешь.

Когда вернулась Серпантина и мы узнали от неё, чем занимались иностранцы в зале вышивки, то стали решать, что с этим делать дальше. Послать ее во второй раз в разведку или устроить за ними слежку – предстояло определить, что целесообразней. Ведь настоящую причину их визита, мы так ещё и не выяснили.

– Ну, узнаем мы, зачем они приехали. И, что? – сказала Анна. – А вдруг уже будет поздно. Что, если к этому моменту, они уже успели добиться своего. А мы замешкались, пока решали, как нам быть и упустили шанс. А если бы не тратили время на пустые разговоры, то могли им и помешать, Я считаю, что действовать нужно немедленно. Пока они этого не ожидают.

– А как же волки? – напомнила ей Надежда.

– Волков бояться, в лес не ходить, – подметил Вениамин. Он сказал это без бравады, и был настроен вполне серьезно.

– Ну-ну, – осадил его Анфиса. – Не много ли ты на себя берёшь. Посмотрите на этого героя. Ты их сразу порвёшь или поочередно? А ничего, что это музей, а не ринг для боёв без правил? Представляешь, какой здесь поднимется переполох?

– А он прав... – к всеобщему удивлению высказалась Марфа.

Это были её первые слова, которые она сегодня сказала с самого начала их путешествия.

– Как и мы, они тоже отдают себе отчёт о вероятных последствиях. И поэтому не станут рисковать, и привлекать к себе излишнее внимание. Наши недруги не позволят волкам ввязываться с нами в открытое противостояние. Они будут вынуждены искать другие варианты. И мы могли бы этим воспользоваться.

Слова черепахи вселили в нас уверенность. Что ни говори, но Марфе не откажешь в мудрости и проницательности.

– Спасибо Марфа, что поделилась с нами своим мнением, – сказала Ляля, и обратилась к остальным: – Если это так, то тогда, какой у нас план?

– Наш план – «действовать без плана», – ответила Анна за нас всех. По ней было видно, что настроена она была решительно. – Нет времени на обсуждения. И к тому же, когда полагаешься на планы – то, как правило – обязательно, что-то срывается и все идёт не так. Тогда все планы рушатся, и приходится действовать не по плану. Так лучше, сразу «действовать без плана». Будем импровизировать по ходу пьесы.

– Если «по ходу пьесы», то мне это нравится, – взбодрилась Ляля. – Импровизация, между прочим – это мой конёк.

– Значит, единогласно, – подвела итог Надежда. – Выдвигаемся прямо сейчас. Надеюсь, никто не возражает?

– Свистать всех наверх! – скомандовала Марго, встрепенулась и энергично захлопала крыльями.

– На abordажшшш, – поддержала её Серпантина и взмахнула хвостом, как саблей.

Слаженной дружной командой мы выдвинулись из зала. Может кому-то это могло показаться чересчур самонадеянным. На самом деле – это не так. Мы отдавали себе отчёт в том, что нас ждёт. Понимали, что наверняка будет сложно противостоять такому сильному и опытному противнику. И поэтому, не рассчитывали на лёгкую победу. Но зато, мы верили друг в друга. И это было главным. Мы были вместе – единым и неделимым целым. Я вспомнила, как Вениамин учил меня генерировать в себе боевой дух, и очень надеялась, что у меня это снова получится и я не подведу свою команду.

– «Девочки, какой у нас план» ... – услышала я позади обиженное кривляние Вениамина. – А ничего, что я не девочка... Или моё участие не принимается во внимание?

– Ну, что ты в самом деле, – успокаивала его Милица. – Уверена, Ляля была увлечена и просто, не придавала этому значения. Поверь мне, дружище, она даже не думала тебя обидеть...

– Я и не обижаюсь. Это, совсем другое, – Вениамин гордо встал в позу Наполеона и сказал, как отрезал: – Задета моя кошачья гордость. Между прочим, у кого-нибудь здесь есть хоть малейший опыт участия в настоящих сражениях? Или хоть кто-то из вас имеет представление о том, как вести партизанскую войну?

Он это сказал так громко, что мы все разом остановились и оглянулись... Никому из нас и в голову не могло прийти, что это может быть так важно. Никто из нас в обычной жизни не испытывал необходимости в таких науках. Мы даже растерялись. Нужно признать, что этими вопросами Вениамин загнал нас в тупик.

– Так значит, нет? – Вениамин воспрял духом, когда ощутил себя снова в центре всеобщего внимания. – Впрочем, я так и думал... Тогда, я беру всё командование на себя. А вы слушайте меня внимательно и не перебивайте...

Он выпятил грудь, расправил плечи, и походкой главнокомандующего прошел между нами и вышел на передний план.

– Значит, так. Я поведу вас в авангарде, – со знанием военной стратегии он начал отдавать нам распоряжения. – Анна с Милицей, Надежда с Серпантиной и Ляля будут в арьергарде. Анфиса и Марго полетят с обоих флангов. Будут просматривают обстановку, и безотлагательно мне обо всём докладывать. Аня с Гелей и Нина с Марфой пойдут в тылу в интендантском обозе. Во время военных действий это самое безопасное место. Пусть подадут на передовую боеприпасы и заведуют продовольствием. Кстати, у вас там, не завалилось сосисочки? Главнокомандующему перед боем, не мешало бы подкрепиться.

– У-уф. А, тебе не кажется, что мы не совсем похожи на регулярную армию? – Анфиса несколько раз моргнула и вытаращила на него глаза. – А то, раскомандовался здесь. Ишь ты, генерал нашёлся. Сосисочку, видите ли, ему подавай... А усы от слюней, не слипнутся?

– Отставить разговорчики, – попытался поставить её на место кот. – Если кто-то считает, что справится с этой задачей лучше – я не возражаю – может сам занять моё место и покомандовать. Но только, в случае позорного поражения, пускай всю ответственность берёт на себя...

Неизвестно, куда бы завёл нас этот спор – к сложению полномочий с командующего или к стихийному солдатскому восстанию – только тут произошло нечто неожиданное. Наше внимание привлекла бегущая в нашу сторону фигура. Её кто-то преследовал и кричал вдогонку:

– Держи вора!...

Бегущей фигурой оказалась наша недавняя знакомая (Серпантина сказала, что её зовут Гертруда), а за ней гналась разгневанная бабушка с метлой наперевес. Нас было много, и мы тут же перегородили улепетывающей беглянке проход. Заметив нас, ей пришлось сбавить темп... По раздосадованному выражению её лица, было заметно, что это никак не входило в её планы. Видно, всё ещё рассчитывая пройти сквозь нас, Гертруда яростно выкрикнула:

– С дороги!

– Надо же. Какая неожиданная встреча, – Ляля вышла вперед и, не смотря на её призыв, встала у неё на пути. – Вы ничего не хотите нам сказать?

Гертруда была в отчаянии. Ведь она всё так ловко провернула, и даже, умудрилась выскользнуть незамеченной... И тут, на тебе – всё стало рушиться. Ещё эта нелепая старуха с помелом, что бросилась за ней в погоню... А теперь ещё и эта кучка жалких самоучек, возмнивших себя супергероями... Нужно их припугнуть, пока есть хоть какая-то надежда проскочить.

– Отойди по-хорошему. Или пожалеешь, – процедила она сквозь зубы.

– Даже не подумаю, – Ляля приготовилась к тому, что угроза может быть выполнена, но при этом даже не повела бровью.

– Задержите её. Она воровка, – кричала бабушка и трясла метлой. – Их здесь целая шайка. И они все в сговоре...

К Ляле примкнули Анна с Надеждой, и их плечи соприкоснулись. Втроём они превратились в непреодолимую преграду. Серпантина заскользила по руке Надежды и выползла ей на плечи. Она встала в стойку, разинула пасть и принялась раскачиваться. Змея дала понять Гертруде, что готова броситься на неё в любой момент.

– Сдаётся нам, что вы присвоили чужую вещь, – процедила Ляля, не отводя взгляда от глаз Гертруды. – Это неправильно – отвечать вероломством на радушие хозяев. Советую вам проявить благоразумность, и немедленно её вернуть. А не то, нам придётся заставить вас сделать это силой.

Гертруда смотрела на неё исподлобья, но ничего не ответила. Неужели всё этим закончится? Она была в отчаянии. Прикусив губу от досады, она судорожно перебирала в уме всевозможные варианты. Прорваться вперёд не получится. Они упрямы и их слишком много... Отступить назад? Там эта разъяренная старуха с метлой... Как же ей быть? Из огня, да в полымя – это, не вариант. Кстати, про «огонь» ... А что? Это вариант – должно сработать.

Гертруда пристукнула кончиком пальца по запястью... И незамедлительно, из рукава, словно кукушка из часов, высунулась саламандра. Заметив угрозу, Серпантина поспешила её атаковать. Женщина тут же отёрнула руку и ловко уклонилась от броска змеи. Отбежала в сторону и на ходу, скороговоркой обратилась к саламандре:

– Флайма, дорогая. Мы в засаде. Посмотри вокруг. Нас обложили со всех сторон. Выручай, пожалуйста. Поскорее вытащи нас отсюда. Это наш единственный и последний шанс. Давай, спасай...

Саламандра не стала дожидаться, пока она закончит. Она и так видела, что они в беде. Флайма смежила веки и в миг сосредоточилась... Раздула шею, подобно кузнечным мехам и изрыгнула из пасти струю ослепительного пламени...

Огненный шар поднялся, завис и начал – плавно, а затем с ускорением – вращаться в воздухе. По мере кручения, он стал расширяться и увеличиваться в размерах. От светящейся сферы с футбольный мяч, он вырос до огненного облака, диаметром в два метра. В его центре образовалась сквозная дыра. Её края стали расползаться во все стороны и высвободили проход, обрамлённый огненным кольцом. Мы заглянули в него и оторопели. Внутри проема, отсутствовала часть противоположной стены. Но зато, там просматривался фрагмент незнакомой местности. И тут, до меня дошло – что это окно оказалось проходом в потусторонний Мир.

Не теряя драгоценных секунд, Гертруда впрыгнула в развернувшийся портал... Края огненного кольца сомкнулись... раздался глухой хлопок... и помещение озарилось ослепительной вспышкой. Нас обдало горячей сухой волной... Затем, клубы едкого дыма рассеялись, и поползли туманными вереницами по коридору... в воздухе запахло серой.

Нити Судьбы

– О-ба-лдеть... – вот и всё, что я могла сказать.

Девчонки тоже, не меньше моего были поражены исчезновением Гертруды. Сам факт того, что существуют другие Миры нас больше не удивлял. К этому мы уже почти привыкли. Но вот чтобы так – запросто – фьють... и шагнуть туда, как соседнюю дверь. Это, скажу я вам, выглядело очень впечатляюще.

– Интересно, а в том месте, куда она попала, она будет в безопасности? – подумала Нина, не заметив, как произнесла это вслух.

– Нет, – ответила ей Марфа. – Это очень рискованно. Когда делаешь переход вслепую – то, никогда не знаешь, что тебя там ждёт. И я настойчиво рекомендую тебе, так никогда не делать. –

– Но, как же она решилась на такое?

– А вот, так – сказала Марфа и по смешному забарахтала в воздухе лапами. – У неё не оставалось другого выхода. И ей пришлось выбирать – или мы, или прыжок в никуда. Она решила рискнуть, и выбрала «никуда». Надеюсь, она понимала, что делала...

Обсуждение переходов в другие Миры пришлось прекратить. Потому, как сейчас стало не до этого. В наши ряды вклинилась, запыхавшаяся бабуля. И видок у неё – нужно признать – был тот ещё... Цветастый платок на голове сбился на бок и перекосялся. Седые волосы растрепались и встопорщились, как у балаганного клоуна. Красные бусы перекочевали с груди на спину, и свисали там подобно сбруе. Да и сама старушка после яростной гонки по коридорам музея была похожа на загнанную лошадь. Её сутулые плечи то вздымались, то судорожно опали, в боку кололо – она держалась за него рукой – а морщинистый лоб покрылся бисеринками испарины.

– Э-эх. Не успела, – от досады Аристарховна стукнула черенком метлы об пол. – Как теперь всё обернётся, лишь одному лешему известно. Такой госзаказ профукали из-за этой вертихвостки. Столько сил и времени положили... И всё насмарку.

– Бабушка, вы о чём? – поинтересовалась у неё Нина. – Эта женщина, которая убежала, украла у вас что-то ценное?

– Очень ценное, – сокрушалась Аристарховна. – Ценнее на бывает. А самое главное, она разорвала нить событий.

– Успокойтесь. Выпейте, водички, – Надежда протянула ей бутылочку негазированной минералки. – Что случилось, того уж не воротишь. Лучше расскажите нам, что произошло. А мы, в свою очередь, подумаем и посоветуемся, чем вам помочь, в связи с вашей утратой. Глядишь, что-нибудь и придумаем.

Бабуля взяла у неё бутылочку. Приложилась к ней... И выдула всё, до последней капли. Утёрла губы рукавом льняной рубахи и только теперь заметила, что мы не просто обычные посетители, а с нами вместе наши проводники.

– Ерошки-матрёшки. Ну, что за день сегодня. Те, со своей волчьей сворой. И вы здесь, с целым зверинцем. У вас, что здесь, сегодня, какой-то шабаш намечается? Откуда такой интерес, к нашему скромному заведению?

– У нас, не шабаш. А культурное мероприятие, – внесла замечание Ляля и поправила свою шляпу. – Причём, оно было запланировано ещё пару недель назад. А руководство юношеского театра даже выделило нам микроавтобус с штатным водителем. Согласно регламенту, мы собирались познакомить учениц с уникальными народными промыслами...

– А ваш музей, числится одним из лучших в стране, – включилась в разговор Надежда. – У вас тут собрано столько ценных экспонатов под одной крышей. Вот мы и решили, не жечь

казённый бензин понапрасну и не колесить по разным местам. А сразу к вам. Как говорится: «дёшево и сердито».

– А те, про кого вы говорите, к нам не имеют никакого отношения, – заявила Анна. – Мы и сами опешили, когда их здесь увидели.

– Да, я уже поняла, что вы с ними не заодно, – Аристарховна прониклась к нам симпатией и пошла на мировую. – Особенно, когда вы встали на пути у этой вертихвостки. Жаль, только, что не вышло её перехватить. Ну, да ладно, чего уж теперь... Раз вы тоже стали причастны к этому делу то, давайте, знакомиться. Я, Ярилина Галина Аристарховна. А вас, как величать?

Мы в ответ тоже представились. Сначала, разумеется, наставницы, потом мы, а после настал черёд проводников...

– Бенджамен – то бишь, Веньямин, говоришь, – бабуля закатила глаза и приставила указательный палец к щеке, будто пыталась что-то вспомнить. – А это, не тот ли самый Бенджамен, который Лиху Одноглазому всучил в обмен на сундук золота, подзорную трубу, и соврал, что это якобы волшебный «уменьшитель» расстояния. Мол, стоит в него посмотреть и расстояние уменьшается в десятки раз. А если трубу приторочить к глазу, а потом, приноровиться и наловчиться, то с его помощью, можно шагать себе, как обычно и при этом перемещаться на десятки вёрст.

– Мр-р... Стоит ли вспоминать, такие мелочи, – засмутился кот. – Это было так давно, что я уже почти и не помню.

– Конечно. Так я тебе и поверила. Не помнит он... – хитро прищурилась Аристарховна. – Чего уж там вспоминать. Было Лихо Одноглазое, да больше его не стало...

– Как, не стало?

– А вот, так, рыженький. Не стало. Смотрело оно в твою трубу. Шло себе по полям, да лесам. А потом взобралось на гору. Да на этой горе загляделось, и не заметило, как оступилось. Так и сигануло в пропасть. А внизу река... За ней водопад... А за ним, опять река, и море...

– И что? Совсем-совсем пропало?

– У нас совсем. А где-то, может быть и выплыло, – предположила бабуля. – Попалась мне тут, как-то заморская денюга. Зелёная такая. С портретом мужика с кружевным бабским воротником. Так там, на обороте, какая-то, не то печка кирпичная, не то башня. А над ней, наше Лихо. Во всяком случае, тоже одноглазое и очень, на него похожее. Полагаю, что это было всё-таки, оно. Потому, как сходство, один-в-один. Значит живет себе припеваючи в этих ихних Соединённых Штатах...

– Может, после устройте вечер воспоминаний, – прервала их беседу Анна недвусмысленным намёком. – Тут, у вас вроде как возникли кое-какие проблемы? Вы собирались нам о них рассказать. А мы, в свою очередь, помочь вам их решить.

– Точно-точно. Спасибо тебе милочка. Надобно поскорее возвращаться, пока мои клуши не упустили остальных. Нужно сходу брать этих гавриков в оборот. Может, от них чего и разузнаем. А коль разузнаем, там уже и решим.

По дороге, она нам поведала, что эти молодчики, заявили к ним якобы с намерениями повысить свой культурный уровень. Отвлекли их от дел, воспользовались их доверчивостью и стали донимать расспросами. А тем временем, сами обманным путём похитили веретено, и вдобавок, едва не учинили пожар в музее.

– И вы, из-за какого-то веретена, устроили по музею такое сафари с метлой за этой иностранкой? – поразилась Надежда скарденности старухи.

– Какого-то веретена? – передразнила её бабуля. – Да, много ты понимаешь. Не какого-то веретена. А – Веретено Судьбы!

– А, что это, за Веретено Судьбы? – спросили мы с девочками, чуть ли не хором.

И Галина Аристарховна нам поведала, что Веретено Судьбы – это очень сильный старинный артефакт. Как и у каждой волшебной вещи, у него есть своё предназначение. Вер-

тено создано для того, чтобы наматывать на него нить Судьбы. Каждому человеку предназначены свои нити. Одни длиннее, другие короче. Кому-то нити потолще. Кому потоньше. Из них ткется Полотно Жизни. У одних оно простое -соответственно и жизнь простая, и ничем не примечательная. У других, она яркая с богато вышитым узором из разноцветных нитей. От того, какое Полотно Судьбы, такое и предназначение. Какую судьбу спрядут человеку, так ему и жить.

– А кто прядёт это полотно? Тоже, вы? – спросила Нина.

– Нет. Не я, девочка. У меня своих дел хватает. Полотно Судьбы в Вышнем Мире прядут две сестрицы, пряжи. Зовут их, Доля и Недоля. Одна впрягает в узор счастье. Другая, несчастье. Иногда узоры переплетаются и человека бросает из одной стихии в другую, как кораблик в море на волнах Судьбы.

– А вы, значит, этих сестёр снабжаете нитями, – сделала вывод Геля. – И в этом ваше предназначение.

– Не совсем, – замялась бабуля и попыталась уйти от прямого ответа. – У меня, несколько другой род деятельности. Это сложно объяснить. Да, и время для этого сейчас не подходящее. В общем, Веретено Судьбы доверила мне сестрица, Макошь. Она у Доли и Недоли за главную. Крутить нить для пряжи, это её забота. А у неё там сейчас дел невпроворот. Так сложилось её на удачу, что я временно осталась без работы. Вот мы с ней и порешили, пока мне не подвернётся подходящая работёнка, я посижу и тихонечко покручу нити вместо неё. И так, скажу я вам, я втянулась в это дело, что стала отличным специалистом. Помимо этой основной работы, мне стали подкидывать дополнительные заказы. А последний, так вообще... от самого... от него.

Она многозначительно посмотрела вверх и указала перстом в небо. Так, что все сразу догадались, «от кого».

– Представляете, какая теперь на мне ответственность. Это вам, не хухры-мухры, когда вам поручают дело государственной важности. На кону – Полотно Судьбы России.

– Ой. Да, ладно? – сказала Анна, не скрывая своего неверия. – Вы сейчас это серьёзно? Или так, для красного словца?

– Знаешь, что, – возмутилась Аристарховна, задетая за живое таким недоверием. – Ты хоть представляешь, с кем ты сейчас разговариваешь? Я бы тебе показала, кабы здесь ни дети. Коль не верите мне, ступайте своей дорогой. Надо же. Мне... такое сказать. Ступайте-ступайте. Я и без вас сама управлюсь.

– Да, успокойтесь, вы, – поспешила примирить их Надежда. Она, как почувствовала, что ещё немного и на этом бы всё закончилось. – Не горячитесь. Возьмите, попейте ещё водички, – и протянула ей свою бутылочку. – Просто, для нас это так неожиданно, что от него «самого», поступил такой заказ. Представляю, каково вам сейчас, остаться без Веретена Судьбы, когда на тебя рассчитывают в самом Кремле.

– Вот, то-то же, – смягчилась бабуля, допила остатки и выбросила пустую бутылку в урну. – Ладно, проехали. Сделаем вид, что ты, рыжая этого не говорила, а я этого не слышала.

– Скажите, Галина Аристарховна, а кто-нибудь ещё знал про этот заказ? – спросила Ляля. – Вы кому-нибудь о нём рассказывали?

– Ни единой живой душе, – поклялась Аристарховна. – Кроме вас...

– И что, даже ваш директор и ваши сотрудники не в курсе?

– А им-то зачем? Они люди маленькие. Пусть живут себе спокойно и в ус не дуют. Разве ж такую тайну простым людям доверяют? В миг раструют по всему свету. И что останется после этого от секретности?

Тут мы подошли к залу, где перед входом стояли уже знакомые нам волки. Увидев нас, они преградили нам проход, обнажили клыки и зарычали. Но Аристарховна на правах хозяйки, не собиралась терпеть от них такой наглости. Она врезала им по мордам метлой и пригрозила, что добавит ещё, если они сей же миг, не уберутся прочь с дороги.

Волки поморщились, от полученных ударов, но не стали огрызаться. Они вспомнили про Антрацита и решили, что не стоит привлекать его внимание. В данный момент им ничего не оставалось, как расступиться перед нами и пропустить нас во внутрь. Униженные и оскорбленные волки, понутив взгляды, уселись по краям от прохода. Но несмотря на временное поражение, было заметно, как изнутри их распирает злоба, и они надеялись, что наступит час неминуемой расплаты.

Аристарховна шикнула на одного из них и решительным шагом переступила через порог. Мы не решились следовать её примеру относительно хищников, и просто направились в помещение за ней следом. У окна по левую сторону стоял иностранец со своими мальчиками, а напротив них какой-то мужчина неприметной наружности и неопределённого возраста. Похоже, что его потёртый серый костюм не знал утюга со времён приобретения. Зато туфли были старательно начищены, хотя и стоптаны до невозможности. От чрезмерной носки они потеряли былой лоск и форму. А их острые, вытянутые носы задрались вверх, и торчали из гармошки морщин и складок. Если в ближайшее время их хозяин не обзаведётся новой парой обуви, то они окончательно завернутся и станут похожи на турецкие тапочки с загнутыми носками.

– Галина Аристарховна, вы что себе позволяете? – возмутился он. – Это что за выкрутасы с метлой? И почему вы на нас шикаете?

– А я не на тебя, Геннадий Иванович, – возразила ему бабуля. – Я на этих иностранных самозванцев. А в частности, вон на того лысого.

Судя по гонору, перед нами стоял директор музея. Не известно, о чём они говорили с иностранцем до нашего прихода, но сейчас он был явно не на нашей стороне.

– Аристарховна. Ты давай, этого-того... – Геннадий Иванович пригрозил ей пальцем. – Подбирай выражения. В культурном заведении работаешь. А не на рынке семечками торгуешь. Я тебя понимаю. Пропало веретено... И всё такое. Мы тут потолковали по душам с господином интуристом. Он меня искренне заверил, что ничего такого не было.

Барон стоял в стороне, и не вмешивался в их разговор. Пока директор показательно отчитывал Аристарховну и объяснял ей, как себя вести – тот вполголоса с сосредоточенным видом говорил с мальчиками о чём-то важном. Близнецы внимательно его слушали и украдкой поглядывали на нас. У меня сложилось впечатление, что барон замылил что-то недоброе, и сейчас объясняет им, как они будут выкручиваться из сложившейся ситуации.

– Как же, ничего такого не было? – Аристарховна указала директору на обгоревший обрывок нити. – Может и пряжа загорелась сама собой? Ты мне Иванович, давай, их тут не выгораживай. Иль уже посулили тебе чего, пока я по всему музею гонялась за воровкой с метлой? А ты и рад-радехонек, он слюни-то, как распустил...

– Ты чего, такое городишь, – директор покраснел и принялся суетливо озираться. Видно, стало неловко перед нами. – Хоть бы людей постеснялась, что ли. А ничего, что следить за тем, чтобы здесь всё исправно работало и был порядок – это моя обязанность? Да, признаю, с возгоранием произошла неувязочка. И отсутствие веретена, тоже подтверждаю. Ну, и что мне прикажешь делать из-за этих мелочей? Вызывать пожарную команду и следственно-розыскную группу?

Аристарховна подбоченилась и приблизилась к нему вплотную. Настолько близко, что почти нос к носу. Она пристально посмотрела ему в глаза, и пригрозила ему костлявым пальцем.

– Ой темнишь, ты чего-то, Геннадий Иванович. Ой, темнишь... Чую, как из кожи вон лезешь, чтобы выгородить иностранца. На счёт пожарных, – это ты, конечно, прав. Чего их вызывать, коль мы и сами справились. А вот по поводу полиции, можно было бы и подумать. Подельница твоего иностранца, как есть, настоящая воровка. И я это не выдумываю. Вон, у меня и свидетели есть.

Она указала на нас, и мы в подтверждение закивали. Что говорило о том, что алиби иностранки было под большим сомнением.

– Галина Аристарховна. Голубушка ты, моя. Ну, давай, не будем раздувать международный скандал из-за какого-то веретена. Ведь им, только дай повод. Тут же налетят газетчики, репортёры... Всё перевернут, исковеркают, перевернут с ног на голову. Пропечатают в прессе, затаскают по телевизионным ток-шоу. И в любом случае сделают нас с тобой крайними. Ну, скажи мне, по совести, оно тебе надо?

Аристарховна призадумалась. А может, Иваныч-то и прав. С одной стороны, не хотелось бы спускать всё на тормозах. И стоило бы проучить этих мошенников. А с другой стороны, не хотелось бы привлекать к Веретену Судьбы излишнего внимания. Из такой затеи не выйдет ничего хорошего. Огласка может только навредить магическому артефакту. Вот тебе и дилемма. И как тут быть? Как правильно поступить? Судя по всему, как всегда – всё придется делать без посторонней помощи, своими силами.

– Тут ты прав, Геннадий Иваныч. Соглашусь с тобой. Излишняя шумиха нашему музею ни к чему. А что, прикажешь делать с этими? – она указала на иностранца с мальчиками. – Вот так просто, взять их и отпустить?

– Ну, а что ты ещё с ними можешь сделать? – хлопнул себя по ляжкам и развёл руками директор музея. – Повесить на шею табличку «ВОРЫ» и прогнать по всем улицам нашего города? Отпустить, конечно. И чем скорее, тем лучше. А за веретено своё не переживай. Сегодня же Андрюшку нашего попрошу. К завтрашнему дню, он тебе выточит новое веретено. Вот увидишь, будет даже, лучше прежнего.

– Ладно. Леший с тобой. Поступай, как знаешь, – Аристарховна поняла, что хочет она того или нет, за неё уже давно всё решили. – Только лысому своему передай, чтобы больше в наш музей, ни он, ни его краля, ни ногой. Ежели кого из них здесь увижу, так отхожу метлой, что потом ни один костоправ не поможет. Проще, сразу – на холодец.

– Ну вот и ладненько. Договорились, – Геннадий Иванович сразу повеселел и потёр ладони от удовольствия. – Сердечная ты женщина, Аристарховна. Пряма, души в тебе не чаю. Была бы годков на сорок помоложе, ей богу бы, женился.

Старуха сплюнула в сердцах и чертыхнулась. Тоже мне, женишок выискался. Тьфу... Не ожидала она от директора такой срамоты. Опираясь на метлу, Аристарховна указала чёрному коту следовать за ней и выпроводила нас к выходу. Расположившись в небольшом закутке, мы принялись обсуждать, что будем делать дальше.

Мимо нас прошёл директор музея, оживлённо о чём-то беседуя с иностранцем. При этом, он бурно жестикулировал и возбужденно что-то объяснял. Надеюсь, речь шла не о том, что сними сделает Аристарховна, если снова их здесь увидит. И уж тем более, не о рецептах холодца...

Крылатый вестник

Когда они вышли из музея, барон заметил, что их прокатная машина стоит на прежнем месте. Значит Гертруда не уехала. Или у неё не было возможности ей воспользоваться, или в этом не было особой необходимости. Вероятно, она покинула здание, и теперь затаилась где-нибудь поблизости. Не стоит пока торопиться с отбытием. Нужно немного подождать.

Директор музея, не рискнул оставлять гостей без своего присмотра. Хорошо зная Аристарховну, он решил сопроводить их до самого выхода. Выйдя вместе с Людвигом и ребятами на крыльцо Геннадий Иванович ощутил, как обманчива и переменчива осенняя погода. Если из окон музея казалось, что на улице солнечный погожий день, то выйдя за дверь, он почувствовал, гонимый с реки неприятный холодный ветер, который пригнал с собой сырость и прохладу. Поёжившись, он втянул шею в плечи, поднял воротник и засунул поглубже руки в карманы брюк. Но это не помогло – усиливающийся ветер, настойчиво выдувал из-под пиджака остатки тепла и безжалостно трепал его причёску.

Но не смотря на неудобства, Геннадий Иванович не спешил распрощаться с иностранцем, чтобы поскорей уйти в тепло обратно. Он терпеливо сносил испытание непогодой – и гадал, как ему поделикатнее намекнуть барону о том, что тому не мешало бы его отблагодарить за оказанную услугу. Людвиг это прекрасно понимал, но намеренно тянул время, и делал вид, что не замечает его недвусмысленных намёков. Не то чтобы ему доставляло удовольствие наблюдать за тем, как тот унижается перед ним – нет... Как потомственному аристократу, ему не однократно приходилось сталкиваться с разными человеческими пороками – в том числе и с алчностью. И по его мнению, было бы справедливо поддержать этого человека в не очень комфортных для него условиях. Пусть немного помёрзнет, и таким образом, до конца отработает свой гонорар, за не совсем законную услугу. Хочет денег – значит, пускай терпит.

– Какая замечательная осенняя погода, – сказал барон, скрывая иронию, и делая вид, что наслаждается видом на реку и на противоположный берег. – Как я вам завидую, что вам посчастливилось жить в таком живописном месте.

– Д-да... уж.. Насчёт замечательной погоды, позвольте с вами не согласиться, – холод пробирал Геннадия Ивановича до дрожи. – А вот по поводу живописного места, это вы прямо в точку. Я порой и сам себе завидую.

– Голубчик, от чего же вы так себя не бережете? Вы только посмотрите на себя, вы же весь трясётесь, – барон изобразил удивление, словно только заметил, как его собеседник ёжится от холода и громко шмыгает носом. – Я приветствую вашу любовь к красивым видам. Но ей богу, нельзя так жертвовать своим драгоценным здоровьем ради красоты. Скорей поторопитесь в тепло. Не то, вы простудитесь и заболите.

– Пожалуй, вы правы, – согласился с ним Геннадий Иванович поникшим голосом. Он с сожалением был вынужден признать, что ему ничего не удастся заполучить от этого важного господина. – Действительно, нужно идти, пока окончательно не околел.

Одной рукой он придерживал полы воротника, а вторую протянул для рукопожатия.

– До свидания. Рад был нашему знакомству, – под натянутой улыбкой, он, как смог замаскировал обиду, и тут вспомнил про предупреждение Аристарховны. – Приезжайте к нам ещё. Будем очень вам рады. Сможете по достоинству оценить наше гостеприимство.

– Спасибо, уважаемый Геннадий Иванович, – ответил взаимным рукопожатием барон. – Нам у вас здесь очень понравилось. Когда будем в следующий раз в России, обязательно к вам заедем. И будем рекомендовать ваш музей всем своим знакомым.

Они распрощались. Удручённый Геннадий Иванович потянулся к ручке входной двери, но тут, услышал из-за спины окрик барона:

– Геннадий Иванович, дорогой. Ещё один маленький вопрос. Вы уж простите, что вас задерживаю.

Тот, скукожившись от пронизывающего ветра, нехотя повернулся. Теперь, на его осунувшемся лице не осталось и следа от былых приветливых эмоций. Он едва удержался, чтобы не нахамить, и не выплеснуть на барона изрядную порцию своего негодования. Но сдержался... Геннадий Иванович, считал себя интеллигентным человеком. И поэтому, подавив в себе раздражение, ровным голосом сказал:

– Чем могу быть полезен? Слушаю вас внимательно...

– Геннадий Иванович, мне право неловко. Но, я хотел бы принести извинения за доставленные вам неудобства, по поводу этого недоразумения с вашей сотрудницей. Уж не знаю, в чем она нас подозревает, но мы не сделали ничего плохого. Вы хороший человек, и поступили по отношению к нам благородно. Не позволили нас оскорбить и защитили от незаслуженной расправы. В знак признательности, я бы хотел сделать небольшое пожертвование для вашего музея. Не считите за труд – примите... Это от чистого сердца. Если не возьмёте, вы меня обидите.

Людвиг извлек из недр дорогого костюма пухлое портмоне. Вынул из него несколько пятитысячных купюр и протянул директору. Тот сразу повеселел, суетливо огляделся по сторонам – не наблюдает ли за ними кто-нибудь ненароком – и быстрым, ловким движением спрятал деньги во внутренний карман.

– Ну, что вы, господин Людовик...

– Людвиг, – поправил его барон.

– Да, Людвиг... Извините. Перепутал, от избытка чувств... Что вы, господин, Людвиг. Это было лишним. А-а-апчхи.. Извините. Я и без того, всегда рад помочь хорошим людям. А-а-апчхи... Но, если вы так настаиваете. К тому же – чтобы вас не обидеть... Я возьму эти деньги. А-а-апчхи... В смысле, наш музей с благодарностью примет от вас это пожертвование.

– Вот и замечательно, – похлопал его по плечу барон. – Я рад, что мы с вами друг друга поняли. А теперь поспешите. Мне кажется, вы уже изрядно простудились. Попейте горячего чая с мёдом и с малиной. Говорят – это очень помогает. И извинитесь от моего имени перед этой старушкой. Пусть не держит на меня зла...

– Всенепременно, – пообещал Геннадий Иванович и поспешил в музей. – Будьте уверены. Всё сделаю в лучшем виде.

А сам подумал – сейчас, разбежался, что мне жить что ли надоело... Уж лучше к быкам на корриду в красных труселях, чем к этой карге на поклон. С быками, остаться целым и невредимым шансов намного больше. А при одном только упоминании об иностранце, она из меня отбивную сделает, и отдаст на съедение своему коту. Нет уж... Обойдёмся без извинений.

Чтобы укрыться от непогоды, барон с близнецами направились к автомобилю. Людвиг нащупал в кармане брелок с ключами, нажал на кнопку и двери разблокировались. Дав указание Жану и Жаку сесть в салон, чтобы лишний раз обращать на себя внимание преследователей, которые до сих пор не вышли из музея, он посмотрел на волков. Для проводников в автомобиле места были не предусмотрены, а оставлять их на улице – это всё равно, что размахивать перед недругами белым флагом. Нужно было перебазироваться на другое место. Скрыться от посторонних глаз и там уже дожидаться появления Гертруды. Кстати – он посмотрел на часы – неплохо было бы ей уже и объявиться...

Людвиг включил зажигание, и спустя пару минут, когда двигатель прогрелся, плавно съехал с парковки и повел автомобиль вдоль набережной. Проехав несколько сотен метров, он обнаружил, что главная дорога поворачивает налево, по направлению к центру провинциального городка. Но ему туда ехать не было никакой надобности. Нужно было остановиться в каком-нибудь неприметном месте, чтобы связаться с Гертрудой и выяснить, куда за ней подъехать. Он не стал поворачивать, а поехал прямо – по немногочисленной улочке с одноэтажными

домиками огороженными дощатыми заборами. Проехав её до кона, он не нашел подходящего места для парковки, свернул в сторону на разбитую грунтовую дорогу и поехал по направлению к реке. Среди полуразрушенных производственных зданий, барон заметил пустырь у заброшенной старой фабрики. Вот там-то он и остановил автомобиль. По всем условиям, это место его устраивало.

Вряд ли, кому-нибудь взбрѣдет в голову в непогожий осенний день сюда отправиться на прогулку. Унылый вид производственных построек не способствует поднятию настроения. Даже бездомным бродягам здесь было нечем поживиться. Всё что могло иметь хоть какую-нибудь ценность, отсюда было растащено много лет назад.

Не заглушая двигателя, чтобы не остужать салон, Людвиг отстегнул ремень безопасности и посмотрел в зеркало заднего вида. Жан и Жак откинулись на сиденье и дремали. Ребята изрядно вымотались за долгий день, и оказавшись в уютном тепле, погрузились в приятную истому и отключились. Но Людвигу было не до сна. Помимо того, чтобы наладить связь с Гертрудой, у него оставалось ещё одно незаконченное дело. Он вышел на продуваемый со всех сторон пустырь, и осторожно прикрыл за собой дверь, чтобы не потревожить спящих мальчиков.

Сопровождавшие машину волки, остановились неподалеку, и устроили себе лежбище под густыми плетями могучей ивы. Заметив вышедшего барона, они наострили уши и поднялись. Он подал им знак, чтобы те не беспокоились. Рольф и Ральф потоптались немного, внимательно принюхиваясь к холодному воздуху, гонимому с реки, но затем, убедившись, что никаких указаний не последует, снова улеглись. Свернулись калачиками, но при этом, о сне даже не помышляли. Они продолжали нести караульную службу и наблюдали за машиной, обеспечивая покой и безопасность своих друзей.

Барон завернул за автомобиль и неспешным шагом направился в сторону берега реки. Через пару сотен шагов он остановился. Огляделся по сторонам. Убедился, что за ним никто не наблюдает. Запрокинул голову к небу и расправил руки. Он издал несколько странных горловых звуков, похожих на птичий клекот. Подождал немного... И повторил эти странные звуки снова. А затем, услышал в закатном небе ответный позывной...

Среди серых туч промелькнул силуэт и описал над бароном широкий круг. А затем, начал плавно снижаться по спирали. Чем ниже он опускался, тем чётче становились его очертания, напоминающие по форме усечённый мальтийский крест. Широкие крылья с растопыренными перьями, подобными лезвиям ножей, крепкая шея с изогнутым острым клювом, и разветвленный хвост. Небывалых размеров птица спикировала вниз и приземлилась перед бароном. Людвиг почти услышал, как мощные лапы взрыхлили речную гальку, но этого не произошло. Орёл-гарпия был проводником, а потому, не имел плотного тела. Он завершил приземление, похлопав размахистыми крыльями, а затем сложил их и замер в царственной осанке.

– Приветствую тебя, мой друг, – барон раскинул руки, изобразив объятия. – Признаюсь, мне тебя не хватало.

– И я приветствую тебя, Людвиг, – ответил Рудра. – Я тоже, по тебе скучал.

– Хочу поблагодарить тебя за помощь, – это был один из тех редких случаев, когда барон не скупился на признание чужих заслуг. – Ты был прав. Мы нашли её. Она работает здесь в городском музее.

– Рад, что смог оказаться вам полезным. Хотя, не скрою, раздобыть сведения о Бабе Яге, даже в Навилэнде оказалось не так-то просто. Времена изменились. Ходоки между мирами, стали забредать к ней всё реже, и в обращении за помощью отпала надобность. Люди из деревень переселились в города. Стали практичнее и перестали верить в сказки. Дети сами теперь не ходят в лес. Не собирают ни грибов, ни ягод. Больше сидят по домам и играют в компьютерные игры. Вот Яге и пришлось на время сменить специализацию. Здесь она нашла себе хоть

какое-то применение. А про Веретено Судьбы, это правда? Оно действительно у неё? Или, точнее уже у вас. Раз ты меня благодаришь...

– Да. Всё верно... Веретено Судьбы существует. Нам удалось его добыть. Сейчас оно у Гертруды. Она должна была уже появиться или хотя бы дать о себе знать. Но, раз этого не случилось, полагаю, что что-то пошло не так. Это меня начинает беспокоить.

– Думаешь, её могли перехватить? – Рудра отклонил корпус назад, покрутил головой, поочерёдно – то правым, то левым глазом рассматривая барона.

– Это вряд ли, – задумчиво ответил Людвиг. – Те, кто могли ей помешать, остались с Бабой Ягой в музее. Если бы им удалось отобрать у Гертруды Веретено, старуха так сильно не сокрушалась бы...

– Возможно ты прав, – согласился орёл. – Тогда нужно искать другую причину её отсутствия.

– Придётся, – погружившись в раздумья, барон погладил подбородок. – Только есть одна загвоздка – на поиски причины её исчезновения потребуется время... А у меня его, почти что нет. Орден ждёт от нас скорейших результатов. Сегодня, мы должны отчитаться перед монсеньором об удачно выполненной операции. А через три дня доставить могущественный артефакт в Магистрату.

Рудра следил за бароном, и видел, что тот не на шутку озабочен. За долгие годы, он хорошо изучил его характер, и мог безошибочно определить в каком тот настроении. Рудра знал, что барон перед тем, как что-нибудь сделать, тщательно взвешивает всевозможные варианты и продумывает каждый шаг. А когда принимает решение действовать – просчитывает ситуацию на несколько ходов вперёд. Судя по беспокойству, сейчас ему не хватало сведений – для того, чтобы не ошибиться, нельзя оставлять незаполненными пробелы. Он нуждался в услуге. Но его аристократическая гордость, не позволяла ему обратиться за помощью напрямую. Именно это качество Людвиг, всегда так нравилось Рудре, и он ценил его за то, что барон никогда не перекладывал свою тяжёлую ношу на сильные крылья орла – и никогда не пытался его использовать.

– Здесь ты прав. Мы не можем нарушить обязательств перед Орденом, – Рудра подёрнул плечами и расправил сложенные крылья. – Если у нас осталось мало времени, значит нужно поспешить. Полагаю – ты знаешь, что нужно делать... А я, в свою очередь, готов тебе в этом помочь. Вижу, тебе не с руки меня просить... Но, тем не менее, у тебя ко мне есть просьба... Иначе, ты бы меня не вызвал. Что ты хочешь мне поручить? Выкладывай...

– Хорошо, мой друг. Я рад, что ты готов помочь. Надеюсь, то, о чём я попрошу, не будет для тебя слишком сложным. В нашем Мире, я сам разберусь со своими проблемами. Но для полной ясности мне необходимо знать, что замышляют наши противники, на той стороне реальности, в Навилэнде.

– Ты думаешь, что они попытаются что-то предпринять на другой стороне?

– Уверен, – сказал барон тоном, лишенным каких-либо сомнений. – Рано или поздно, но им придётся это сделать. У меня есть подозрения, что Гертруде в целях самозащиты, пришлось воспользоваться порталом, и перейти в другое измерение. Если мои догадки подтвердятся – то, они непременно отправятся туда её искать. Но мы должны их опередить. И нужно найти Гертруду раньше них, во что бы то ни стало.

– Может быть, ты и прав, – согласился с его доводами орёл-гарпия. – Если это так – то, на их месте, я так бы и поступил. Первое место, куда они могут отправиться, это избушка Бабы Яги. Я слетаю туда и всё разведваю. А когда что-либо узнаю, сразу дам тебе знать. И тогда, ты сумеешь опередить их и найти Гертруду. А пока, не спеши докладывать в Орден о случившемся. Занимайся своими делами и жди хороших новостей.

Избушка на курьих ножках.

– Они поди считают, что нас перехитрили. Обставили всё чин-чинарем, и теперь Веретено Судьбы у них в кармане, – возмутилась Аристарховна, потрясая костлявым кулаком. – Рано радуются... Они видать, ещё не поняли, с кем связались...

– Ну они-то ладно... Злодей, они и в Африке, злодеи. – сказала Надежда. – От таких всего можно ожидать. Но, как им удалось склонить на свою сторону директора вашего музея? Мне до сих пор не понятно, почему он вас не поддержал. Он, что – с ними заодно?

– Наш директор? – озадачилась бабуля. – Вадим Анатолич? А причём тут он? И с чего вы взяли, что он с ними заодно?

– Какой Вадим Анатольевич? – не поняла Надежда. – Я имею ввиду Геннадия Ивановича. Это же он спустил всё на тормозах и позволил им беспрепятственно уйти...

– А-а-а, вы про этого пройдоху, – догадалась старуха и смачно сплюнула. – Этот прыщ, с нашим директором и рядом не стоял. Был бы здесь Вадим Анатольевич, он бы не допустил такого разгильдяйства. Живо вывел бы этих проходимцев на чистую воду.

– А кто такой, тогда этот Геннадий Иванович? – уточнила Анна.

– Иваныч, это его заместитель по хозяйству, – пояснила нам Аристарховна. – Одним словом – завхоз. Непутёвый и зело корыстолюбивый человек. Пускает всем пыль в глаза – делает вид, что он тут пуп земли. А сам, только и делает – что тащит всё, что плохо лежит. Ох, и ушлый жучара, я вам доложу... Считает, что никто ничего не замечает, и никогда его не поймает. Но это всё, до поры до времени... Отольются ещё ему кошкины слёзы.

– А почему он тогда распорядился здесь сам. Ведь вы же сказали, что послали кого-то за директором? – возмутилась Ляля.

– Ну, судя по всему – потому, что Настёна не застала его на месте. Чего с неё возьмёшь... Переволновалась девка. Вот и обратилась, дурёха, к первому мужику, что подвернулся ей навстречу. А тот и рад, представившемуся случаю. Хитёр бобёр. Своего никогда не упустит. Договорился поди с чужестранцем, замаять всё за жирненькие отступные. Подумаешь – какое-то там веретено. От старухи не убудет. Уболтаю её, мол, как-нибудь... А себе на карман барыш. И всё шито-крыто...

– С ним всё понятно. Припрём его к стенке. Не открутится, – решительно заявила Анна. – Но сейчас нельзя терять время. Нужно скорее пускаться в погоню за воровкой.

– А ты знаешь, где её искать? – озадачила её Аристарховна. – Вот – то-то и оно... Здесь, мы точно ничего не выясним. Стало быть, нам надобно отправляться на поиски Веретена на ту сторону, чтобы выяснить, куда переместилась эта самозванка. А уж потом и идти по её следу.

– И как же мы это выясним? – спросила я. – Вернёмся на то же самое место, откуда она сбежала и точно так же откроем портал, и пустимся за ней в погоню?

Аристарховна посмотрела на меня с интересом, как будто только что увидела говорящего муравья.

– Смелая девочка, – произнесла она с иронией. – Да только, наивная и не в меру самоуверенная. Поступать так, как ты предлагаешь – очень рискованно. Никто не знает, что там за место, и насколько там может быть опасно. Пока не выясним, незачем туда соваться.

– Тогда, нам нужно немедленно это выяснить, – заявила Нина. – Наверняка, вы знаете, как это сделать.

– О, ещё одна умница, – умилилась старушка. – И где вы их только берёте?

– Нас не берут. Мы не какие-то там товары в магазине... – вступилась за Нину Геля. – И между прочим – мы начинающие волшебницы.

– Вижу... Вижу, что вы не из магазина, – отшутилась Аристарховна. – Хотя, до волшебниц, вам тоже ещё далековато. Чтобы стать волшебницами, нужно немало потрудиться. Так что, не стоит пока, задаваться раньше времени...

– Ну, а всё-таки... – вернулась к главному вопросу Анна. – С чего предлагаете начать?

– Как я уже сказала, для начала, надобно перебраться на ту сторону, – ответила ей старуха. – Но, не незнамо куда – а, ко мне в избушку. Там уже обстоятельно покумекаем, и всё решим. И если вы так решительно настроены – то, милости прошу. А ежели нет – то прямо на этом месте и распрощаемся. Ну так, как?..

Мы переглянулись и решили.

– Мы готовы, – ответила за всех Ляля. – Принято. Единогласно.

Аристарховна указала нам место не полу, которое находилось в центре зала, и попросила нас всех туда встать и придвинуться друг к дружке, как можно плотней. Стало немного тесно. Но она пообещала, что это ненадолго...

– Я же сказала, чтобы встали все. А ты чего, расселся? – обратилась она к Антрациту. – А-ну, живо давай сюда. Или ждёшь особого приглашения?

Зная суровый нрав старухи, кот не стал испытывать её терпения, и незамедлительно пристроился к нашей компании. Вениамин потеснился и смерил его оценивающим взглядом. Он прикинул в уме – а, не составит ли этот (как его там – Антрацит) ему конкуренцию? Считая себя самым ярким, единственным в своём роде и неповторимым – он не хотел, чтобы кто-то ещё претендовал на это место. К счастью, новый участник нашей группы оказался чересчур серьёзен. Он немного дичился и держался от нас особняком. Заметив это, Вениамин сразу успокоился, расправил усы и удовлетворённо замурчал.

Поначалу, мы все приняли Антрацита за обычного кота. И были уверены, что он не видит и не чует наших проводников. Но вскоре поняли, что это было опрометчивое суждение. Усевшись напротив Вениамина с Милицей, огромный чёрный котьяра вздыбил шерсть и выпучил на них глаза. Он был явно взволнован и напряжён. Хотя соблюдал дистанцию и никого не провоцировал на драку. Полагаю, он вёл себя так потому – потому что не привык к разношёрстным и многолюдным компаниям. И ощущал себя среди незнакомой публики некомфортно и не знал, как себя вести.

Антрацит задрал голову и посмотрел на птиц. Марго с Анфисой почувствовали угрозу и украдкой переглянулись. На всякий случай они перебрались по нашим плечам на противоположный край. Угадав причину их беспокойства, кот опустил глаза и демонстративно отвернулся. Антрацит решил не шокировать их излишним вниманием, и дал понять, что как еда они его не интересуют. Ворона с совой с облегчением выдохнули и успокоились. По их мнению, кот с такой бандитской наружностью, таких, как они, мог поедать на завтрак пачками. И чем дальше они будут от него держаться, тем будут чувствовать себя более безопасно.

Что касается Марфы и Серпантиньи... – то, они к Антрациту отнеслись весьма спокойно. Черепаха мирно дремала в Нинином рюкзаке, и скорее всего даже не подозревала о том, что наши ряды пополнились новым участником. А змея примостилась на шее у Надежды, и взирала на все это с безмятежным спокойствием, – если не сказать, с равнодушием. В силу своей многоопытности и мудрости, её было трудно чем-нибудь удивить.

В общем, теперь мы все были в сборе и были готовы к перемещению. Аристарховна поднесла указательный палец к губам, дала нам понять, чтобы мы все умолкли и выглянула в коридор. Осмотрелась по сторонам – нет ли поблизости никого из посторонних... Убедилась, что всё нормально и вернулась обратно в зал.

Мы стояли по середине, сгрудившись как овечки в стаде. Старуха присоединилась к нам и очертила вокруг нас метлой границу. Потом, обрисовала такой же круг, над нашими головами. Обе окружности замерцали зеленовато-жёлтым цветом. От каждой из них, навстречу к противоположной устремились лучи. Ближе к центру они соединились... И слились в единое изу-

мрудное сияние. Мы оказались внутри цилиндрической капсулы, отрезанными от внешнего мира энергетическими потоками.

Неожиданно я почувствовала, как пространство в капсуле уплотнилось. Нас хорошенько потрянуло и все ощутили нарастающую вибрацию. Стало трудно дышать, по коже пробежала волна мурашек. Волосы наэлектризовались и распушились. Открытые участки кожи стало покалывать, и я испытала лёгкий зуд. Изумрудное свечение стенок стало усиливаться, и вскоре стало настолько ярким, что нам пришлось зажмурить глаза, чтобы не ослепнуть. А потом наша капсула заходила ходуном. Её так бросало из стороны в сторону, что я подумала, что началось землетрясение. Нас буквально оторвало от пола, и мы устремились ввысь. Раздался глухой хлопок, и мы вылетели из музея, как ракета. Я даже успела заметить, как наша капсула прошла сквозь стены. Удивительно, что мы при этом ничего не разрушили. Музей, как стоял, так и остался стоять на прежнем месте. Даже крышу не повредили... заметила я, когда мы погрузились в облака.

А затем всё померкло, и мы погрузились в темноту. Полёт стабилизировался, и капсула начала вращаться по часовой стрелке. Постепенно её обороты стали нарастать... Мы принялись вращаться быстрее. А затем, ещё быстрее. Потом, быстрее... Быстрее... быстрее... и ещё быстрееeeee... Нас кидало от стенки к стенке, как в центрифуге. Мы летели в пространстве быстрее пули. Сквозь мерцающие изумрудным сиянием стенки, пытаться что-либо разглядеть не имело смысла. Мир – а может быть и Миры, которые были сейчас снаружи, слились в единое неразличимое месиво, и представлялись нам скопищем разных цветов и запахов. Мы не видели их, но догадывались об их существовании, по сверкающим вспышкам и сполохам шаровых молний.

Временами, мне казалось, что мы падаем в бесконечную пропасть. А потом, наоборот, стремительно набирали высоту, как реактивный истребитель. В общем, было здорово... Не важно, что при этом ничего не было видно. Но зато мы чувствовали себя, как на американских горках. При резких сменах курса наши наставницы истошно верещали... А мы с девчонками, напротив, хохотали и улюлюкали... Даже жалко, что наше путешествие оказалось таким непродолжительным. Не успели мы войти во вкус, как наш цилиндр прорезался сквозь облака и завис над лесной поляной...

Аристарховна что-то пробормотала себе под нос – видно, корректировала курс снижения капсулы, выбирая место для посадки. А затем ударила черенком метлы по невидимому полу. Напряжение в капсуле спало, а вместе с ним прекратился зуд и электрическое покалывание. Волосы перестали пушиться и обрели свой прежний вид. Сразу стало легче дышать, и мы заметили, как наш цилиндр начал плавно снижаться, пока не приземлились окончательно.

Как только дно капсулы коснулось земной тверди, её стенки вспыхнули ярко зелёным пламенем, и растворились в пространстве, напоминая о себе затухающими искрами. Ощувив свободу, мы тут же высыпали из стесняющего нас круга. Я сделала глубокий вдох, и от насыщенного лесного воздуха у меня чуть не закружилась голова. В этом дивном лесу пахло хвоей, грибами и влажной свежестью. Я буквально пила этот воздух и не могла им надышаться.

Сквозь высокие верхушки елей было заметно, что на лес опускались сумерки. Но пока было еще не так темно, и пользуясь случаем, я решила осмотреться. За всё время, это был мой третий визит в Навий Мир. И от каждого из них я испытывала разные ощущения. Вот и сейчас, оказавшись в дремучем лесу, я поймала себя на мысли, что не смотря на его дремучесть, мне совсем не страшно. Даже напротив, в окружении этих с высоченных сосен и исполинских елей, я почувствовала себя под их защитой. Словно они были готовы укрыть меня от любой опасности и если нужно, приютить под своими ветвями и проявить заботу.

Повернувшись ко всем остальным, я едва не обомлела от удивления. Пока я была погружена в свои мысли, они уже во всю делились впечатлениями об избушке. И я скажу вам – им было, что обсудить... Избушка-то оказалась не простой – а настоящей избушкой на курьих

ножках. Если вы думаете, что знаете, о чём идёт речь – то, вы глубоко заблуждаетесь. Вы судите по картинкам, которые видели в книжках. Ну, и что... Я тоже их видела. Так вот, заявляю вам прямо, что там они не такие – убогие, дряхлые и зловещие... А эта, наоборот – нарядная и красивая. Даже курьи ножки у неё совсем не страшные. Не избушка, а загородный шикарный дом, внушительных размеров. Если бы было можно, я и сама бы в таком жила. Сложена ладно – ну прямо, брёвнышко к брёвнышку. И все брёвна ровные – калиброванные... Отшлифованы гладко – нет ни единой трещинки. Окна вымыты до кристаллического блеска... Рамы выкрашены белой краской. Вокруг них резные наличники. На верхнем ярусе, огороженная перилами мансарда. И везде висят цветочницы с пестрыми разноцветными цветами. Крыша крыта керамической терракотовой черепицей. Все пластиночки на ней подогнаны – чешуйка к чешуйке. У крыльца и по краям крыши висят фонарики. Курьи ножки чистенькие, с розовой кожей, и аккуратным ухоженным педикюром. Только, разве что коготочки не покрашены красным лаком. И на мой взгляд это правильно – а то, был бы перебор...

– Ну ничего себе, избушечка, – воскликнула Геля, словно прочитала мои мысли. – Нет, девочки, ну вы это видели?

– Ага. Ничего мне говори, – Нину тоже впечатлило это фундаментальное строение. – От избушки на курьих ножках осталось одно название. А на деле – добротный дом. Я видела такие в альманахе про Швейцарские поселения. В архитектуре этого здания чётко угадываются альпийские мотивы. Этот стиль по-моему, называется – шале....

– Хватит, Нина, остановись, – взмолилась Геля. – Мы прекрасно знаем, какая ты начитанная. Тут и так, от всего этого крышу сносит. А тут, ещё ты, со своими архитектурными стилями...

– Ну, как, нравится? – спросила сияющая от гордости Аристарховна. – Это Ванюша постарался. Уважил старую, за то, что помогла ему раздобыть молодильные яблоки для батюшки. Привез с собой две бригады заморских бородатых гномов. А с ними и дюжину подвод с импортными строительными материалами и сантехникой. Целый месяц рубили, строгают и стучали молоточками. Вжик-вжик... тюк-тюк... Только щепки со стружкой летели... Дым такой стоял коромыслом, что вам не передать. И вот, что самое примечательное – эти гномы, по-русски не бельмеса. Только «гут», «я-я», да всякие там «битте-дритте» ... А зато, погляди, какую хоромину сотворили. Даже местные лешие с кикиморами – уж какие они привереды – так и те, только ахали да охали. А водяной, так вообще чуть не лопнул от зависти. Так расстроился, что до сих пор со мной не разговаривает.

Наставницы тоже, слушали Аристарховну и обменивались между собой жестами и взглядами. Мне стало интересно – о чём они там секретничают? Но узнать так и не довелось... Потому, как все разом вспомнили, что приехали сюда не на экскурсию, а совсем по другому делу – более важному и ответственному. Ознакомление с местными достопримечательностями решили отложить на потом. Если останется на это время...

Аристарховна гостеприимно пригласила нас в избу. И тут мы столкнулись с неподвижной проблемой. Входная дверь была там, где ей и полагалось быть... Но поскольку изба была на курьих ножках, то и вход у неё находился, где-то на уровне второго этажа. И с нашего места – с земли, до него было не долезть и не допрыгнуть...

– И как мы попадём вовнутрь? – спросила Ляля у Аристарховны.

– А сейчас, хозяйка скамандует, и избушка склонится перед нами на колени, – шутя ответила вместо бабули Анна. – Иначе нам придётся выстраиваться в гимнастическую пирамиду. Тогда, верхние вылезут на крыльцо, и будут подтягивать остальных за шиворот...

– Ой-ёй-ёй... Поглядите-ка, как смешно... Зачем молоть языком, о том, чего не понимаешь? – сказала Аристарховна, не принимая на свой счёт Анину шутку. – Будьте спокойны, у меня тут всё продумано. Сейчас сами увидите.... Говорю вам – это не дом, а образец отборного волшебства и высоких технологий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.